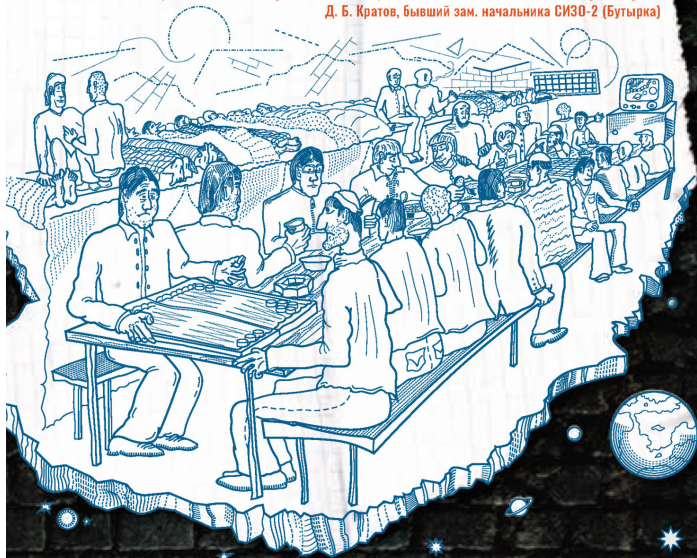

«На мой взгляд, эта книга — лучшее из того, что написано сегодня на эту тему...»
Д. Б. Кратов, бывший зам. начальника СИЗО-2 (Бутырка)

СТАС СИМОНОВ

КНИГА ПЕРВАЯ

КАК ВЫЖИТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ТЮРЬМЕ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ГОРОДЕШ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Станислав Юрьевич Симонов

Как выжить в современной тюрьме. Книга первая

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64252191

Как выжить в современной тюрьме. Часть 1: ИД «Городец»; Москва;

2020

ISBN 978-5-907220-52-2

Аннотация

Книга представляет собой руководство по выживанию в современной тюрьме. По существу, это азбука «перехода». В книге можно найти большое количество оригинальных иллюстраций и юридических ссылок. Произведение написано на основе уникального опыта и содержит закрытую информацию, которая не оставит равнодушным даже скептически настроенного читателя. Высокую профессиональную оценку книге дал бывший зам. начальника Бутырского централа, подполковник внутренней службы доктор Кратов Д. Б.

Книга содержит нецензурную брань.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	5
От тюрьмы и от сумы...	8
Вступление	12
Арест	15
ИВС	41
Сборка	52
Камера	60
Общие камеры	66
Спец (специальные камеры)	75
Поведение	77
Генерал Потапов	81
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Стас Симонов

Как выжить в современной тюрьме. Часть 1

© Стас Симонов, 2020

© ИД «Городец», 2020

*** * ***

Предисловие

Я проработал в пенитенциарной системе 20 лет и, конечно, очень хорошо знаю её изнутри. Знаю беды, тяготы заключенных, доподлинно знаю устройство быта в системе и тонкости тюремных взаимоотношений. Приходилось по работе сталкиваться со многими её проявлениями, встречаться и разговаривать с огромным количеством людей из числа как «обитателей», так и работников «системы». И если учесть, что впервые на службу я пришёл в уже далеком 1992-м, то представьте, какие это были годы и с какими людьми меня столкнула за это время жизнь. По роду своей деятельности мне много приходилось общаться с родственниками арестованных, и я видел и чувствовал на себе, как трудно, как невыносимо морально тяжело людям, близкие которых волею судеб оказались в тюрьме. Я всегда старался им помочь и донести сидельцам очень простую мысль, заключающуюся в том, что основные страдания приходятся на их близких и родственников, чтобы они ценили заботу и понимали, как порой трудно их матерям, женам и детям. Я говорил сидельцам: «...Это вы не себя посадили, это вы их посадили...»

Надо сказать, что «система» за последнее время сильно поменялась в лучшую сторону. Например, перелимита (т. е. когда в камере содержится гораздо больше заключенных,

чем положено) уже нет повсеместно.

Также улучшилось питание и медобслуживание заключенных. Все больше правозащитников интересуется этой стороной жизни нашего общества, в результате чего достаточно редкими стали ранее принятые нарушения закона в отношении заключенных.

Но, тем не менее, много еще работы предстоит в этом направлении, и тюрьма, конечно, – это не пионерский лагерь, и не дай Бог человеку попасть туда.

Мне всегда было интересно, что пишут об этом срезе жизни нашего общества, я имею в виду не только художественную, но и публицистическую литературу. Скажу больше: я прочитал практически всё, заслуживающее внимания в этой области.

На мой взгляд, эта книга – лучшее из того, что написано сегодня на эту тему. Живой язык, толковое изложение, реалистичность, правдоподобность. Со многим написанным я готов бы и согласиться, что-то для меня спорно, а что-то вообще неприемлемо, от некоторых подробностей меня корбило, хоть я человек не очень впечатлительный. И, несмотря на это, книга, как азбука «первохода», то есть написанная для человека, никогда не сталкивавшегося с «системой», заслуживает интерес и доверие.

Безусловно, важны также справочные приложения, важны они в первую очередь для родственников людей, попавших в тюрьму. Как правило, люди в первое время пребывают в со-

стоянии шока и не всегда понимают, куда следует обратиться и что нужно делать, а чего категорически делать нельзя.

Отдельно хочу отметить правдоподобность и оригинальность представленных в книге иллюстраций. Точно, остро, с долей здорового юмора, такого я ещё не встречал.

Одним словом: полезное и толковое произведение.

Экс. замначальника СИЗО-2 (Бутырка),
подполковник внутренней службы в отставке, врач
Кратов Д.Б.

От тюрьмы и от сумы...

В тюрьму никто и никогда не собирается. И, как показывает жизнь, это происходит всегда неожиданно и стремительно. Бывалый сиделец всегда знает, что делать, кому звонить, какие вещи и еду заказывать родственникам, знает, как работает конвейер «упаковки». Знает, как минимизировать предстоящий срок или вообще сорваться с «прожарки». Обычно, несведущему человеку и его родным в такие моменты нет времени даже собраться с мыслями. Но именно здесь и кроется масса ошибок, огромное количество неправильных, иногда откровенно глупых шагов. Автор в теме не просто «хорошо плавает», или «осведомлен», он знает все детально, до мелочей. Текст также довольно скрупулёзно описывает до мельчайших деталей особенности арестантского и зековского быта, иногда остроумно стебется над «системой», травя зоновские и тюремные байки. Эта книга – откровение для несведущих. Так получилось, что я читал ее части задолго до того, как автор решил сделать это книгой. Здесь нет ни капли вранья или «художественных» измышлений. Очевидно, что книга не предназначена для «профессиональных» сидельцев, они и так все знают, и, более того, этот опус не нужен тем, кто думает, что сия чаша не грозит быть излитой на него, при случае жизнь ему докажет обратное. Вспомним, что в нашей прекрасной стране никто не сможет

быть застрахованным от того, что завтра не окажется в чреве уфсиновского монстра. Никто, включая Генерального прокурора. Так устроено общество, так мы живем, и это обусловлено тем, что десятилетиями страна формировалась как огромный лагерь. Кажется, именно эта гуманная цель была побудительным моментом для Стаса. Он ставит целью наставить неопытных сидельцев на правильный, не грозящий личности путь в системе. Эта книга – свод правил, сборник зэковских баек, одновременно путеводитель и предостережение. В России образ русского интеллигента был неотделим от отсидки. Сидели и Ленин, и Сталин, и Королев, и заметная часть нынешних депутатов.

Для меня основополагающим всегда является источник информации. Исходя из этого, у меня всегда, генетически, формировалось отношение к материалу, так учили. Мэтры мне говорили, что базовый источник информации первичен, ибо дальнейший анализ, прогресс или регресс идеи невозможен без уверенности, что все базируется на истинной «базовой теории». Не может выстроенная теория, тем паче стройный анализ или гениальное конструкторское решение, базироваться на ложных постулатах. Здесь с этим все в норме. И просветительский аспект в данном случае является главной ценностью этого труда.

Из этой интересной книжки становится понятным, что сидеть не страшно. Не страшно потому, что когда понимаешь, как работает «система», то внутри ее может быть очень даже

комфортно, конечно – относительно. В книге много справочной информации, ясно, куда звонить, ехать и как контактировать с администрацией. Также приводится множество разрозненной и полезной информации из абсолютно разных источников.

Автор в книге с блеском показывает, что даже интеллигентный и «далекий» от «системы» человек, может достойно понести и эту, казалось бы невыносимую, ношу. Воистину, говорят, что «господь не может возложить на человека ношу, которую тот не смог бы понести».

Любую другую книжку подобного содержания лично я бы просто переступил, не остановил бы на ней внимания, понимая, что писал ее прыщавый милицейский аспирант или потерявший берега жизненной реальности блоггер. Но системность Стаса, его дотошность, скрупулёзность в работе с материалом говорят мне о том, что книга эта очень достоверна. Будучи знакомым с этим человеком, я знаю, что он ведаёт, о чем говорит. В добрый путь!

Даниил Котовский

*Если хочешь узнать, кто твой настоящий друг,
постарайся попасть за решетку.*

Чарльз Буковский

*Тюрьма – недостаток пространства,
возмещаемый избытком времени.*

Иосиф Бродский

*Никто не может стать полноценным
человеком, не отбыв какой-то срок в тюрьме.*

Махатма Ганди

Вступление

«От тюрьмы и от сумы не зарекайся» – гласит народная русская пословица. Она актуальна и по сей день, ведь до сих пор (на 2005 г.) в зонах прибывало, если верить официальным источникам (Российская газета), около 900 тыс. человек и еще около 80 тыс. находятся в следственных изоляторах. На 1 мая 2011 года эта цифра составила 800 тыс. в тюрьмах, 123 тыс. в СИЗО и приравненных к ним помещениях 68 тыс. человек.

Конечно, эта цифра не точна. Потому что тут же другие официальные источники её трактуют так: в 1999 г. она составляла 1400 тыс. человек, а в 2005 г. около 875 тыс. человек (Аргументы и факты), и, хотя не стоит доверять официальной статистике, суть от этого не меняется. Ясно одно: миллион человек ежедневно находится «в системе». Если представить себе, сколько человек «обслуживает» эту «систему», т. е. милиция, прокуратура, суды, те, кто перевозит подсудимых и осужденных, строит тюрьмы, кормит, отапливает, лечит, проектирует и т. д., а также всех силовиков, так или иначе работающих на «систему», административный аппарат ФСИНа и т. д., смело можно назвать цифру еще в 1 миллион человек (и это по самым заниженным подсчетам). Таким образом, около двух миллионов человек ежедневно, плотно сталкиваются с «системой», а это око-

ло 1,5 % от общего населения России. (По данным Агентства РиФ на март 2012 года, число нотариусов, работников юридических бюро, адвокатов и заключенных составляет 1 842 000 человек; штатных сотрудников МЧС, ФМС, МВД, ВВ, ФСИН, Минюста и прокуратуры – 2 541 000 человек. А это уже 3,1 % населения РФ. Возьмём ещё личный состав ФСБ, ФСО, Службы спецсвязи, ФПС, СВР и пр., это ещё – 2160 тыс. человек, соприкасающихся с «системой».

Вспомним также и тех, кто раньше уже «сидел», и тех, кто по каким-то причинам уволился со службы, связанной с «системой», и эта цифра увеличится, минимум, в 3 раза. Надо учесть, что в это число входит только взрослое, дееспособное население, а если еще представить себе, сколько людей так или иначе, в том числе и опосредованно, сталкивается с этой «системой», то слова из народной пословицы «От тюрьмы не зарекайся» становятся более чем актуальны.

Не стоит забывать родственников, друзей и знакомых, тех, кто волею судеб оказался в «системе», и мы увидим, что каждый третий человек лицом к лицу оказывается перед данным проявлением жизни. Кто же может оказаться в условиях «системы»? Включите телевизор, откройте и почитайте газеты, и вы поймете, что в условиях тюрьмы может, неожиданно-негаданно, оказаться любой житель нашей страны. Любой – от простого обывателя до министра, от работника культуры до силовика. Как же вести себя в этих условиях? Как выжить в условиях тюрьмы?

В данной книге я постараюсь изложить те знания, которые были получены мною в условиях пребывания в московской тюрьме, а также в других тюрьмах России. Конечно, города разные и тюрьмы разные, но общая суть от этого не меняется. Какие-то вещи были, есть и еще надолго останутся характерными для образа жизни в «системе» под названием «тюрьма».

Арест

Как правило, любой арест – явление неожиданное, даже если вы и предполагаете, что подобное может произойти, все равно это, в определенной степени, всегда плохой сюрприз. На неожиданность и делают ставку те, кто вас арестовывает. Вы ошеломлены, напуганы, выбиты из привычной колеи, потеряны, и в этот момент, при помощи нехитрого, но действенного набора приемов, арестовывающие могут добиться от вас нужных для них результатов.

Помните, при аресте бессмысленно, глупо и опасно оказывать сопротивление или пытаться бежать. Те, кто вас арестовывает, если не боятся, то, во всяком случае, опасаются и вас, и ваших проявлений, они готовы к ним. Они знают, как поступать в данных обстоятельствах, они имеют опыт подобных ситуаций и действовать будут на опережение быстро и жестоко. Даже если вам удастся в конкретный момент задержания убежать от оперативных работников, то помните, что все ваши телефоны, телефоны ваших родных и близких, возможно, друзей и знакомых окажутся поставленными на прослушивание. Ваши личные данные будут заведены во все компьютерные базы, и без специальной заблаговременной подготовки шансы ваши избежать последующего ареста мизерны, строго говоря – практически отсутствуют.

Как правило, специальную подготовку в ожидании ареста

проводят единицы. Это требует больших денег, новых документов, возможно, изменения внешности, подготовки путей и способов отхода и, самое главное, полной смены привычного уклада и места жизни. При этом связь почти со всеми близкими и, что мучительнее всего, родными будет для вас потеряна надолго.

При аресте ни в коем случае нельзя показывать свою агрессивность или же совершать действия, которые могут быть восприняты работниками правоохранительных органов как ее проявление. В момент появления с вашей стороны агрессивности у них включается определенный штамп поведения: жесткий и жестокий. Если учесть, что закон, т. е. УК РФ, предусматривает уголовное наказание за сопротивление работникам милиции, то руки у оперативников развязаны, а значит, они могут нанести любой физический вред вашему здоровью, вплоть до смертоубийства, не неся никакого уголовного наказания.

Бесполезно взывать к их разуму и совести, так как второе отсутствует полностью, а первое заточено под выполнение определённой задачи. Шутить в таких случаях тоже не рекомендуется. Оперативные работники шуток не воспринимают.

Если на момент задержания у вас при себе оказались запрещенные к ношению и употреблению вещества и предметы, лучше, по возможности, не привлекая внимания, от них избавиться, выбросив или же уничтожив их (река, колодец

для стока воды, унитаза и т. д.). Даже если придется выбрасывать предметы на глазах у оперативников, не задумывайтесь, – делайте это. При этом вся дальнейшая линия поведения должна быть такой: у меня при себе ничего не было.

Следует помнить, что в момент задержания вам могут подбросить что-либо. В карманы, сумку, одежду, обувь. Если действие происходит в квартире, то подбросить что-либо запрещенное могут и в квартиру. От подброшенных в одежду мелких предметов рекомендуется, по возможности, тоже избавиться.

Старая как мир история про «злого» и «доброго» милиционера с успехом работает до сих пор. Добрых полицейских не бывает. Любые их действия направлены на получение от вас нужной информации, соответствующей их пониманию момента, нужных им показаний либо извлечения личной, корыстной выгоды. В ситуации: вы и правоохранительные органы – только вы единственный будете заинтересованы в благополучном для вас исходе дела. Следует заметить, что те, кто будет вас допрашивать в первые дни ареста, как правило, будут одними и теми же людьми, и это будут не следовательно, а так называемые дознаватели. По истечении нескольких дней, в особых случаях – недель, вы их в «системе» больше не увидите. Спустя много месяцев они могут появиться еще только в суде.

Работников полиции условно можно разделить на три категории:

обычные полицейские – выполняющие рутинную работу по охране правопорядка;

дознаватели – ищущие, согласно 140 ст. УПК РФ, основания для возбуждения уголовного дела, возбуждающие уголовное дело или же принимающие решения об отказе в возбуждении уголовного дела, если вдруг обнаруживается, что причин к его возбуждению нет;

следователи – формирующие уголовное дело, квалифицирующие его согласно УК РФ, собирающие необходимый материал для обвинения и передающие надлежащим образом оформленное дело в суд.

Таким образом, первые, кто встретится на вашем пути, будут обычные полицейские из районного Управления внутренних дел или же дознаватели из того же РУВД. Если дело серьезное, а статья, по которой оно квалифицируется в УК РФ, относится к категории тяжких и особо тяжких преступлений (см. приложение 1 п. 104), то вами будут заниматься работники городского Управления внутренних дел или Главного управления внутренних дел и следователи городской прокуратуры, в особых случаях – Генеральной прокуратуры РФ.

Дознаватели в силу специфики своей профессии люди нервные, резкие и невосдержанные. Они ваши враги в буквальном смысле. Их задача – получить или выбить нужные показания у арестованного. Зачастую правильная линия поведения, выработанная на первых допросах, решит исход

всего вашего дела или обозначит общую линию вашей судьбы.

Что же такое правильная линия поведения? Она, безусловно, зависит от данной конкретной ситуации. От того, совершали вы инкриминированное вам деяние или не совершали его, и то ли деяние, которое вы совершали, вам инкриминируют; согласны ли вы с тем, что вам инкриминируют, или «предъявляют», или вы по ряду разных причин полностью не согласны с выдвигаемым против вас обвинением.

В любом случае важно помнить одно: не следует под воздействием испуга и давлением оперативников, как бы они ни запугивали, а они поверьте, умеют это делать, подписывать какие-либо признательные показания. Важно помнить, что в Конституции РФ, ст. 51, четко прописано ваше право не давать показания против себя и своих близких родственников, а это значит: сообщив, что вы решили воспользоваться ст. 51, можно не давать никаких показаний вообще. При этом важно помнить, что любые ваши показания работники правоохранительных органов обязаны брать у вас только в присутствии вашего адвоката (см. приложение 1 п. 109–117). Об адвокатах будет отдельный разговор, речь о них пойдет дальше.

Дело в том, что последующее изменение показаний очень плохо выглядит в дальнейшем на суде, и практически нереально исправить признательные показания на любые другие в дальнейшем процессе следствия. Все инстанции: суд, про-

куратура и милиция, как правило, первые признательные показания берут за основу главной версии происходящего. И почти всегда ваши первые признательные показания ложатся в основу дальнейшего судебного решения. Если у вас есть т. н. «подельник» или «подельники», т. е. люди, совместно с вами проходящие по одному и тому же делу, необходимо знать их позицию по вашему делу и какие именно показания они уже дали. Взяв паузу (сославшись на ст. 51), проще будет согласовать вашу дальнейшую, совместную, желательно единую, защиту. Хотя и здесь, как показывает практика, не все так просто, как выглядит на первый взгляд.

Есть такая пословица: «Один хохол – хозяин, два хохла – партячейка, три хохла – это партизанский отряд с предателем». Пословица эта как нельзя лучше иллюстрирует ситуацию, часто происходящую с «подельниками» в «системе». Поспешность, испуг, необдуманность действий – плохие советчики и всегда приводят к печальным последствиям.

Как бы ни повернулось дело, важно помнить одно: если по делу проходит один человек, следствием, как правило, инкриминируется I часть соответствующей статьи УК, если группа – II, III или IV. А это значит, в простом выражении, последующее наказание будет выше в том случае, если преступление совершено группой лиц. При этом совершили вы его на самом деле или же следственные органы сфальсифицировали доказательную базу, решающего значения для суда не имеет. Часто гораздо лучше, когда вину за всех берет

на себя один человек. В этом случае и наказание меньше, и ваша совесть чиста в отношении остальных «подельников», а у них появляется вероятность оказаться на свободе.

Помните, если вас уже задержали и меру пресечения выбрали в качестве ареста, т. е. содержания под стражей, оправдаться по суду, по статистике, очень мало шансов, всего 0,46 (4 с половиной человека из 1000 арестованных). Высокая вероятность получения условного срока бывает тогда, когда мерой пресечения выбрана подписка о невыезде, хотя и она не дает стопроцентную гарантию того, что вы не будете отбывать реальный срок в условиях колонии. Сплошь и рядом бывает так: арестовали трех человек, развели по разным кабинетам и начинают психологическую и физическую обработку, а затем сообщают, что заpirаться глупо, тем более что ваши «подельники» дали уже признательные показания и все «валят» на вас, вы же, запираясь, только усугубляете свою вину и еще, в довершение истории, выступаете как главарь группы (пойдете «паровозом»), а значит, и наказание получите максимальное. Если же вы согласитесь сотрудничать с органами следствия, то это все вам зачтется, и на суде вы получите минимальное наказание. Очень высокая вероятность того, что кто-то из трех человек в такой ситуации даст признательные показания, которые и лягут в основу обвинения. И уже не важно, что двое других ничего не сказали. Для следствия дело сделано, нужные показания получены, хотя они, эти показания, будут являться единственным

доказательством содеянного.

Наивно предполагать, что частичные признательные показания помогут арестованному избежать получения срока. Для правоохранительных органов, по сути, не важно: частичные показания получены или полные. Для них работает одна логика: дыма без огня не бывает. Частично признался, значит, виноват и в остальном. Кого-то может удивить такое положение вещей, кто-то не поверит моим словам, но любой прошедший через «систему» подтвердит вам это. Помните: **закон и справедливость – две разные вещи.**

Огромная армия полупрофессиональных или низкопрофессиональных «дознателей» и следователей должна ежедневно подтверждать свою общественную необходимость. Они вынуждены демонстрировать свою нужность начальству и обществу, а для этого проще сфабриковать дело, раздуть из мухи слона и тут же продемонстрировать оперативную раскрываемость, чем искать серьезных профессиональных преступников или докапываться до истины. Истина – никому не нужна. Нужны показатели и победные реликвии. К сожалению, в наше время в мире, в котором мы живем, стоимость жизни отдельного человека равна нулю или же многим нулям, все зависит от ситуации, случая и материального положения человека.

Такие вещи, как «явка с повинной» или «признательные показания», конечно, успокаивают вашу совесть и снимают некоторое давление со стороны следственных органов, но од-

новременно усиливают и закрепляют вашу уголовную ответственность. Повторюсь: так как это важно, не спешите давать вообще какие-либо показания, в том числе и признательные, хорошенько перед этим не подумав, или же не согласовав их с вашими товарищами по несчастью, или же не посоветовавшись с адвокатом».

Ни в коем случае не вовлекайте в вашу беду посторонних людей, называя какие-либо конкретные фамилии, данные и другую подобную информацию. Чем меньше информации и фамилий от вас получит дознаватель или следователь, тем вам же будет лучше.

Не надо надеяться на т. н. алиби. Алиби бывает только в кино или книгах. В России термин «алиби» так же забыт, как и вообще многие юридические понятия. Не могу не привести к этому случаю старую русскую пословицу, до сих пор не потерявшую актуальности: «Закон как дышло, куда повернул, туда и вышло».

В начале 2002 года в Москву приехал ингуш Ваха, приехал в гости к своим землякам. У ингушей, чеченцев, да и вообще кавказцев, земляческие связи весьма крепки. Прилетел он 16 февраля, а 14 февраля в городе случилась одна неприятность – у известного писателя-сатирика прямо на заправке злодеи отобрали дорогой автомобиль. Дело происходило вечером, лиц грабителей сатирик не рассмотрел, однако сообразил, что они кавказцы. Какие именно кавказцы, он тоже не разобрал. Скандал вышел знатный, страна са-

тирика знала и любила, поэтому начальство отдало приказ: разобраться с грабителями в кратчайшие сроки. Дело было непростым: автомобиля нет, свидетелей нет, есть только показания потерпевшего, что грабили его кавказцы. Оперативники для надежности и убедительности взяли сразу две группы возможных грабителей. Одна состояла из ингушей, другая из азербайджанцев, и всех принялись разрабатывать по полной программе. Стесняться в такой ситуации не приходилось: во-первых – приказ начальства, во-вторых, одни – ингуши, другие – вообще иностранцы.

Били Ваху подряд много недель, требуя признательных показаний. Он их не давал. Ваха, парень молодой, неглупый, из хорошей семьи, твердо заявил следствию, что 14 февраля его в Москве не было и быть не могло, так как прилетел он в Москву только 16 февраля. Летел «Аэрофлотом», билеты прямо сейчас предоставить не может, потому что сидит в тюрьме, но если отправить запрос, то «Аэрофлот» мгновенно подтвердит его алиби. Такая глупость, как алиби ингуша, милиционеров не интересовала. Естественно, никто никуда запроса не отправлял. Параллельно с ингушами, а они попали в Матросскую Тишину, то же самое происходило с азербайджанцами в Бутырке. Составить преступную группу из земляков кавказской национальности, находящихся в чужом городе, проще простого: держатся вместе, едят вместе, машины и квартиры, как правило, используют одни и те же. Как вели себя азербайджанцы, неизвестно, но Ваха мужественно

стоял на своем, свято надеясь на алиби. Не помогало ничего: ни письменные заверения двадцати его родственников и знакомых, включая замминистра МВД Ингушетии, что 14 февраля гражданин такой-то находился в Назрани, ни документ из «Аэрофлота», представленный адвокатом и подтверждающий, что гражданин Ваха действительно прилетел в Москву 16 февраля.

Парня промурыжили два года и на основании опознания его личности потерпевшим (опознание проводилось... по ушам, так как сатирик злодеев видел только сзади и якобы запомнил лишь абрис ушей, при этом уши Вахи ничем особенным от средненормальных не отличались) дали бедному ингушу четыре года. К слову говоря, он отделался достаточно легко: статья средней тяжести, выйти по УДО можно по половине срока, так что, попав в колонию, у него были все шансы быстро освободиться. Азербайджанцев, естественно, тоже никуда не отпустили, а, наоборот, привязали к ингушам как желавшим купитьворованный автомобиль, но не совершившим этот незаконный акт по не зависящим от них причинам, и тоже отправили в лагерь.

К представленному алиби суд отнесся скептически. А как может быть иначе – два года велись следствие и суд, были задействованы десятки работников из разных ведомств, потрачены многие тысячи казенных денег, и что теперь – всех отпускать? А если так, то кто за это ответит? Ну, смешно сказать, не милиция же виновата...

В первые часы ареста очень большую роль играют деньги. Если вы сможете договориться с оперативниками, если у вас *под рукой* (не где-то там вообще, а именно под рукой) есть устраивающая их сумма (торг уместен), если ваши близкие сумеют быстро отдать деньги работникам милиции, то у вас есть очень большой шанс выскочить из передраги. Деньги, отданные в первые часы ареста, могут тут же на месте снять проблему вообще, а затягивание скорого решения из желания сэкономить приведет в дальнейшем к большим тратам – и денежным, и физическим.

Попал как-то в транзитную камеру грузин. Грузин как грузин, вот только обладал он двумя особенностями: вообще не употреблял наркотики, что для грузина большая редкость, и не гнул пальцы веером (не сообщал всем и каждому, что все его друзья и родственники являются коронованными ворами), что тоже у грузин редко встречается в тюрьмах. Был он коммуникабелен и малозаметен. А утром вся «хата» подскочила от дикого крика. «*Ой, до куя дали!*» – кричал грузин, и в крике его чувствовалась вся скорбь маленького, но гордого кавказского народа.

– Сколько ж тебе навесили? – поинтересовался кто-то после повторного утреннего крика. Кричал же грузин одну и ту же фразу, с упорством кукушки в настенных часах, каждое утро. Грузину дали десять лет. Дали за изнасилование.

Такая статья в тюрьме не приветствуется, однако статья статьей, а реальные события часто не совпадают с фантазией

следователей. Грузин работал поваром в одном из московских ресторанов. Рабочий день заканчивался поздно, семья его жила не в Москве, и иногда, после трудного вечера, хотелось расслабиться, тогда он ехал к своему приятелю, работающему барменом в одном из гостиничных комплексов, где и расслаблялся за рюмкой водки или со стаканом виски. Затем он возвращался домой, утром опять работа до вечера, вечером опять расслабление, в общем, жизнь шла по кругу, до того самого памятного дня, изменившего всю его жизнь. Тем поздним вечером, расслабляясь по обыкновению в баре, повар встретил даму. И на миг показалось ему, что между ними что-то вспыхнуло. Как водится, вспышка имеет свойство разгореться, ну, в общем, они «зажгли», поднявшись в номера. Когда зажигание окончилось, дама сообщила цену удовольствия – триста долларов.

– Триста! – вскричал грузин. – За что?

– За это, – последовал холодный ответ.

– Так у нас же по любви было!

– Какой любви, ополоумел? Гони за услугу триста баксов. – И дама подробно объяснила свою позицию в этом бизнесе.

– Не дам, – уперся повар.

– Дашь, – отрезала дама и сообщила грузину, что у него есть час на раздумье.

Вместе спустились в бар, где и продолжили расслабление. Через час требования со стороны дамы возобновились. Гру-

зин вновь отказал. Еще минут через пятнадцать на сцене появились милиционеры. Их цена возросла до трех тысяч долларов. Грузин проявил упорство, и его арестовали. Наутро цена выросла до десяти тысяч долларов. Проведя ночь в отделении, грузин готов был заплатить деньги, но такой суммы у него не было. Через пару дней уже никто денег не просил.

Итог: по статьям 131 и 132, то есть за изнасилование и извращенные развратные действия (на той памятной вечеринке у него еще имел место быть и оральный секс), повар получил десять лет общего режима. Вот с той поры и стал работать грузин часами с кукушкой.

– Ты понимаешь, что ты сел за свою жадность? – втолковывали ему сокамерники. – Сам посадил себя за триста баксов.

– Понимаю, – отвечал грузин. Но все равно... До куя дали!!!

Одно радует в нашей стране, прошу понять меня правильно, – милиционеры деньги берут! Конечно, все зависит от сложности дела, но в обычной ситуации, если у вас не взяли денег, значит, вы либо не успели их вовремя дать, либо предложили мало, либо не смогли дать тому, кто реально может решить возникшую проблему.

Бывает и так, что деньги берут, но ничего при этом не делают, ссылаясь на некие трудности либо утверждая, что все идет нормально, пока не грянет приговор. Но это уже другой вопрос. Дать вовремя взятку и получить за это результат –

отдельное умение или судьба.

Не думайте, что, не дав взятку сейчас, вы сэкономите в дальнейшем. Дальше аппетиты будут только расти, причем у всех: у следователей, прокуроров, судей, работников ФСИ-На, адвокатов. Так что дилемму: дать или нет, решайте так – да, давать. И по возможности сразу все и быстро. Если же давать нечего, то что тут сказать... На нет и суда нет, хотя в этом случае суд с вашим участием будет почти наверняка.

Торговаться в такой ситуации можно, но имейте в виду: милиционеры (теперь это уже полицейские, но суть от этого не меняется) как жадны, так и упрямы, а отделение милиции не рынок. Хотелось бы привести одну цитату из произведения Герцена «Былое и думы»:

«Землемер ли едет с поручением через вотскую деревню, он непременно в ней останавливается, берет с телеги астрольбию, вбивает шест, протягивает цепь. Через час вся деревня в смятении. «Межемерия, межемерия!» – говорят мужики с тем видом, с которым в 12 году говорили: «Француз, француз!» Является староста поклониться с миром. А тот все меряет и записывает. Он его про сит не обмерить, не обидеть. Землемер требует двадцать, тридцать рублей. Вотяки радехоньки, собирают деньги – и землемер едет до следующей вотской деревни.

Попадется ли мертвое тело исправнику с становым, они его возят две недели, пользуясь морозом, по вотским деревням и в каждой говорят, что сейчас

подняли и что следствие и суд назначены в их деревне. Вотяки откупаются.

За несколько лет до моего приезда исправник, разохотившийся брать выкупы, привез мертвое тело в большую русскую деревню и требовал, помнится, двести рублей. Староста собрал мир; мир больше ста не давал. Исправник не уступал. Мужики рассердились, заперли его с двумя писарями в волостном правлении и, в свою очередь, грозили их сжечь. Исправник не поверил угрозе. Мужики обложили избу соломой и как ультиматум подали исправнику на шесте в окно сторублевую ассигнацию. Героический исправник требовал еще сто. Тогда мужики зажгли с четырех сторон солому, и все три представителя земской полиции сгорели».

Описанное относится к сороковым годам XIX века, однако по характеру ситуации актуально до сих пор.

Нужно быть готовым к тому, что признательные показания будут выбивать силой. Несмотря на то, что пытки и телесные наказания законом запрещены, они негласно применяются. Как это выглядит: обычно физическое воздействие происходит прямо в следственном кабинете или отделении полиции, куда вас доставляют сразу после задержания. Наиболее стандартные приемы воздействия – это удушение. Надевают на голову пакет или противогаз с перекрытым клапаном и ждут первых признаков удушения. Такие действия могут повторяться несколько раз либо комбинироваться, на-

пример, с использованием газового баллончика. Допрашивающие могут использовать электрошок или же простую дубинку, могут бить книгами, пластиковыми бутылками с водой и т. д. Избивая, менты стараются бить так, чтобы на теле избиваемого оставалось как можно меньше следов, т. е. бьют по почкам, пяткам и т. д. Иногда раздевают, снимают трусы и кладут животом на стол, одевая на дубинку (для устрашения) презерватив, и сообщают о том, что прямо сейчас вас изнасилюют этой дубинкой в задний проход, а затем сведения об этом факте доведут до сокамерников и вас эти будущие сокамерники за это переведут в разряд «обиженных» (педерастов). Могут бить просто руками и ногами. От вас будут требовать одно: подтвердить то, в чем вас обвиняют, или подписать уже написанные за вас показания, либо дать похожие. По большому счету им от вас нужна не правда, а подпись под показаниями.

Так было всегда в российской истории. Приведу еще один пример из книги А. И. Герцена «Былое и думы», написанной в середине XIX века. Напомню, А. И. Герцен за пустячное дело год отсидел в одиночке и около пяти лет провел в ссылке.

«Чтобы знать, что такое русская тюрьма, русский суд и полиция, для этого надобно быть мужиком, дворовым, мастеровым или мещанином. Политических арестантов, которые большей частью принадлежат к дворянству, содержат строго, наказывают свирепо, но

их судьба не идет ни в какое сравнение с судьбою бедных бородачей. С этими полиция не церемонится. Кому мужик или мастеровой пойдет потом жаловаться, где найдет суд?

Таков беспорядок, зверство, своеволие и разврат русского суда и русской полиции, что простой человек, попавший под суд, боится не наказания по суду, а судопроизводства. Он ждет с нетерпением, когда его пошлют в Сибирь – его мученичество оканчивается с началом наказания. Теперь вспомним, что три четверти людей, хватаемых полицией по подозрению, судом освобождаются и что они прошли через те же истязания, как и виновные.

Петр III уничтожил застенки и тайную канцелярию.

Екатерина II уничтожила пытку.

Александр I еще раз ее уничтожил.

Ответы, сделанные «под страхом», не считаются по закону.

Чиновник, пытающий подсудимого, подвергается сам суду и строгому наказанию.

И во всей России – от Берингова пролива до Таурогена – людей пытают; там, где опасно пытать розгами, пытают нестерпимым жаром, соленой пищей; в Москве полиция ставила какого-то подсудимого босого, градусом в десять мороза, на чугунный пол – он занемог и умер в больнице, бывшей под начальством князя Мещерского, рассказывавшего с негодованием об этом. Начальство знает все это, губернаторы прикрывают, правительствующий Сенат мирволит,

министры молчат; государь и Синод, помещики и квартальные – все согласны с Селифаном, что «отчего же мужика и не посечь, мужика иногда надобно посечь».

Комиссия, назначенная для розыска зажигательств (речь идет о многочисленных пожарах Москвы 1834 года), судила, то есть секла месяцев шесть кряду – и ничего не высекла. Государь рассердился и велел дело окончить в три дня. Дело и окончилось в три дня; виновные были найдены и приговорены к наказанию кнутом, клеймению и ссылке в каторжную работу.

...Первый осужденный на кнут громким голосом сказал народу, что он клянется в своей невинности, что он сам не знает, что отвечал под влиянием боли; при этом он снял с себя рубашку и, повернувшись спиной к народу, прибавил: «Посмотрите, православные!»

Стон ужаса пробежал по толпе: его спина была синяя полосатая рана, и по этой-то ране его следовало бить кнутом...»

Не правда ли, очень современно, только дворян не стало и кнут не используют, в остальном же очень похоже на нынешнее положение дел.

Как можно с этим бороться? Постарайтесь ничего просто так не подписывать, категорически нельзя ставить подпись на пустые бланки, что бы вам ни говорили дознаватели или следователи, на что бы ни ссылались. Так же следует поступать с непонятными для вас документами и бланками. Самое главное, взяв ст. 51 и отказавшись давать показания, обяза-

тельно отметьте этот факт в протоколе (см. приложение 1 п. 101), иначе подделать вашу подпись большого труда не составит. Провести же графологическую экспертизу в дальнейшем будет очень и очень сложно, скажу проще – практически нереально. В любом случае при подписании чего-либо требуйте присутствия адвоката.

Помните, на допросе вас **не убьют**. Час или день сильных мучений стоят нормальной жизни в дальнейшем. После многочасового избиения боль притупляется. Старайтесь бороться со страхом, с ним можно бороться. Смелость – это способность человека бороться с ужасом и страхом. Ничего не боятся две категории: психически нездоровые люди и покойники. Если все же вас избили, необходимо зафиксировать факт побоев. Для этого надо пройти медицинское освидетельствование в ближайшей клинике. Добиваться этого действия необходимо сразу же после того, как вас доставят в ИВС или СИЗО. При вашем поступлении в учреждение состоится медицинский осмотр вашего тела, и в этот момент необходимо требовать официального медицинского освидетельствования и обязательной фиксации факта побоев в протоколе (см. приложение 1 п. 116).

Здесь стоит вернуться к самому моменту задержания (см. приложение 1 п. 98, 100). В случае оказания вами сопротивления и применения жесткого способа задержания со стороны оперативников все дальнейшие побои на вашем теле будут списаны на ваше сопротивление при аресте. Если

вы подверглись избиениям или пыткам, постарайтесь запомнить имена, фамилии, звания и внешность тех, кто вас избивал. Чтобы в дальнейшем, при первом допросе следователя либо при первой встрече с адвокатом, заявить об этом факте и потребовать наказания виновных. Если дело дойдет до крови, то неплохо было бы своей кровью сделать отметины в недоступных для взгляда оперативников местах (днище стула, стола и т. д.). Ни в коем случае не сообщайте об этих отметинах следователю (он немедленно свяжется с операми, и они уничтожат эти улики). Приберегите возможные отметины для внутреннего расследования по факту вашего избиения. Не бойтесь писать в прокуратуру и в надзирательные органы о факте избиения и попытке выбить из вас показания. При наличии медицинского освидетельствования факта следов побоев и отсутствии ваших признательных показаний есть вероятность того, что садистов, вас избивающих, могут наказать. Однако факт избиения при допросе существенно не повлияет на решение суда по вашему делу. В том случае, если вы полностью согласны с предъявляемым обвинением, выбивать из вас показания никто не будет. Это действие не имеет смысла. При полном согласии с предъявленным обвинением разумнее выбрать позицию так называемого сотрудничества со следствием, это ускорит прохождение дела в следственной части и в суде. Но о суде отдельный разговор, к нему мы вернемся позже. В любом случае, выбор остается за вами.

Хотелось бы добавить, что за несколько лет пребывания внутри пенитенциарной системы, вольно или невольно сталкиваясь с сотнями разнообразных дел, я ни разу не видел идеально проведенных и оформленных с юридической точки зрения дел. В каждом деле были допущены нарушения. Парадокс в том, что эти нарушения буквы закона существенно не влияли на решения суда.

Сразу после вашего задержания и возможного допроса вас направят в отделение полиции (районное Управление внутренних дел (РУВД)), где в КПЗ (камера предварительного заключения) вы можете провести от нескольких часов до нескольких суток. Редко бывает больше. Вас будут держать в камере, где нет ровно ничего – ни столов, ни стульев, ни кроватей, ни умывальника, ни унитаза. Вас встретит совершенно пустая, не очень чистая (либо абсолютно грязная) камера, где одна часть ее приподнята над полом сантиметров на 20 в виде сплошной деревянной сцены, которая и станет вам кроватью и другом на время вашего пребывания в РУВД (отделение полиции).

Вполне возможно, что кроме вас в камере будет находиться еще кто-то. Это как получится. Любые действия (есть, пить, справлять естественную нужду) вам придется совершать через настойчивые удары в двери камеры и унижительное общение через нее с дежурным полицейским. У вас изымут все, кроме одежды, включая шнурки, ремни, часы и украшения (кольца, браслеты, цепочки и т. д.). На все изъ-

ятые вещи полицейские обязаны составить акт с описью изъятого. Все ваши вещи должны быть возвращены вам или вашим родственникам по их требованию. Если у вас впереди срок и нет родственников, считайте, что все, кроме денег и документов, вы потеряли. Деньги можно будет положить на ваш личный счет, документы останутся в вашем личном деле. О выдаче всех изъятых вещей друзьям или родственникам целесообразнее разговаривать с вашим следователем. Именно он принимает подобные решения.

Работник полиции, изымая у задержанного все предметы и ценности, находящиеся при нем, обязан составить опись изъятого. В случае если на вас окажется золотая цепочка, то в описи она будет фигурировать как цепочка из металла желтого цвета, если цепочка окажется серебряной, то металл будет белого цвета, если в кольцо вставлен бриллиант, то его назовут прозрачным камнем. Марку ваших часов в протокол могут занести, но при утере вам вернут их стоимость по прейскуранту – например, любые часы по внутреннему прейскуранту оцениваются в десять рублей.

Во время нахождения в отделении полиции (КПЗ) вы в принципе (естественно, за деньги) можете договориться о встрече с родственниками, передаче вам еды, сигарет, звонках родным. Все эти действия конечно же незаконны, и в дальнейшем о них не стоит распространяться там, где информация может дойти до других полицейских, прокурора или следователя. В КПЗ запастись чем-либо, кроме сига-

рет и спичек, не стоит, впереди у вас ИВС. Помните, что с момента ареста и вплоть до выхода на свободу такие вещи, как сигареты, чай и спички, вам всегда будут требоваться в больших количествах.

Все, что вы знаете о тюрьмах и их обитателях, все сведения, почерпнутые из ТВ, или газет, или книг – забудьте!!! **Это все не так.** Ваши так называемые знания есть не что иное, как художественный вымысел людей, далеких от «системы». Чем быстрее вы абстрагируетесь от ваших т. н. знаний, тем проще будет жить дальше. А жить надо. Жить придется.

Не пытайтесь качать права – это бесполезно. Полицейские в КПЗ помочь решить вашу проблему просто не смогут. Они могут лишь ухудшить ваше положение или же несколько его улучшить – это все уже зависит только от вас. Отныне почти все в вашей судьбе будет зависеть от ваших близких и совсем немного – от вас. Дай бог, чтобы в этой тяжелой ситуации вокруг вас, а точнее, с вами было как можно больше родных и близких и, конечно, друзей. Как правило, в первые дни после ареста друзей у вас будет еще достаточно. К сожалению, их количество со временем начнет стремительно уменьшаться.

КПЗ – не тюрьма. Это преддверие тюрьмы и первое, самое поверхностное знакомство с «системой». К этому времени уже появятся наручники и прочий антураж, связанный с вашим перемещением и перевозкой. Не реагируйте агрессивно

на наручники, полицейские тоже люди. И если лично вы их никак не задели и ведете себя спокойно и достойно, они не станут глумиться над вами. Если так получилось, что наручники затянуты чрезмерно, попросите их ослабить. Именно попросите. Спокойствие и вежливость – теперь ваше оружие. Наверняка вам в этом не откажут. Пока вы в КПЗ, возить вас будут в автомашинах. Автозаки появятся позже.

Имейте в виду, что вашими соседями по КПЗ может оказаться кто угодно. От такого же бедолаги, как и вы, до сексота, то есть стукача, посаженного именно к вам, чтобы прощупать почву и получить информацию по уголовному делу. При этом имидж стукача может быть любой – от интеллигентного до «суперуголовного». Количество наколок на руках и теле и истории о прошлых «сидениях» (командировках) не говорят ровно ни о чем. Официальное использование стукача во внутренних документах называется: «Внутрикамерная разработка».

Вообще надо привыкнуть, что в «системе» не принято распространяться о своем деле, так же не принято подробно расспрашивать и о чужих проблемах. Достаточно коротко назвать статью, которую вам вменяют. Статьи 131, 132, 133, 134, 135, т. е. связанные с изнасилованием (на жаргоне «износ» или «вскрытие лохматого сейфа»), в тюрьме не приветствуются.

Ничего лишнего говорить своему соседу по камере нельзя, глупо искать его сочувствия, тем более надеяться на его

возможную помощь в вашем деле. В лучшем случае он в такой же ситуации, что и вы, а в худшем... Займитесь собой. Приведите в порядок свои мысли, помните: друзей в тюрьме нет. Холодно и трезво взвесьте и обдумайте свою ситуацию, своё нынешнее положение, в котором вы оказались.

ИВС

Из КПЗ вас обязательно переведут в ИВС (изолятор временного содержания). ИВСы очень непохожи друг на друга по комфорту содержания (если к данной ситуации применимо слово «комфорт» вообще), но суть у них одна и та же. Вы – временный, случайный гость. Вас вот-вот переведут в тюрьму или же отпустят на волю. В некоторых ИВС есть все положенные по закону тюремные предметы, а именно: матрас, подушка, одеяло, белье и т. д., в других этого ничего нет, и приходится довольствоваться голыми досками или голым металлом шконок вместо матраса, пользуясь своей верхней одеждой вместо одеяла и чем придется взамен подушки. Но по порядку. Коснемся структуры пенитенциарной системы. Во главе ее стоит Министерство юстиции РФ. В его подчинении находится Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН) России (ранее, до 2004 года – Главное управление исполнения наказаний (ГУИН)). В их ведении находятся все исправительные колонии, включая колонии-поселения, колонии общего, строгого и особого видов режима, воспитательные колонии и тюрьмы.

По состоянию на первое апреля 2012 года в состав уголовно-исполнительной системы России входят:

- 755 исправительных колоний
- 227 следственных изоляторов

- 165 помещений, функционирующих в режиме следственных изоляторов
- 7 тюрем
- 62 воспитательные колонии для несовершеннолетних
- 47 женских колоний
- 59 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом
- 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией
- 2467 уголовно-исполнительных инспекций, контролирующих условно осужденных лиц и лиц, имеющих наказание, не связанное с лишением свободы.

Тюрьма – это бытовое название следственного изолятора (СИЗО) ФСИН или ФСБ. Бывают еще пересыльные изоляторы, т. е. тюрьмы, в которых временно содержатся заключенные, передвигающиеся по какому-либо маршруту (следующие к отбытию места наказания, этаплируемые из одного региона в другой, переводимые из одной колонии в другую и т. д.).

Централ – это бытовое название СИЗО или пересыльного изолятора.

Если вас арестовали, то вначале вы попадаете в здание районного Управления внутренних дел. В любом таком здании есть место для непродолжительного пребывания задержанного (в быту – обезьянник) – несколько квадратных метров, огороженных решеткой с простыми лавками, предна-

значенными для сидения. Также в помещении РУВД есть несколько комнат камерного типа, не оборудованных ничем. Нет ни туалета, ни умывальника, ни кровати. В них задержанного обязаны содержать не более двадцати четырех часов. Это и есть КПЗ, т. е. камера предварительного заключения. По истечении суток вас обязаны отправить в другое учреждение, находящееся в ведении МВД, – изолятор временного содержания. ИВС представляет из себя отдельное здание, по сути, это небольшая тюрьма с несколькими камерами. В отдельных случаях, как, например, в Москве на Петровке, 38, ИВС может состоять из многих камер, расположенных на нескольких этажах. В ИВС по закону вас обязаны держать не более 10 суток (см. приложение 1, п. 25). Обслуживать ваше содержание в ИВС будут работники МВД, а не ОСИПА, т. е. вы окажетесь в руках полицейских. Внешний вид ИВС крайне непрезентабельный: обшарпанные, бетонные или кирпичные стены, окна, забранные решетками или намордниками (металлические листы с небольшими отверстиями). Внешний вид ИВС соответствует внутреннему содержанию: удобства, как правило, в коридоре. Матрасы, одеяла, подушки или белье – редкий гость в таких местах, зато вместо ложек вам выдадут так называемые колпачки (приспособления, служащие для употребления пищи вместо ложек, сделанные в виде круглого колпачка с трехсантиметровым штырем для его держания в руках).

Попав на ИВС, вам надо быть готовым к тому, что впе-

реди ждет обыск. Отныне и до выхода из «системы» слово «обыск» заменится словом «шмон». Обыщут одежду, уделяя внимание не только и не столько карманам. «Шмонщика» будут интересоваться швы, уплотнения, края одежды и т. д.

Арестованного раздевают и осматривают телесно, а заодно и всю одежду, включая нижнее белье, носки, обувь. Не надо особенно негодовать, если придется, а наверняка придется, продемонстрировать работнику ИВС свои половые органы. Радуйтесь, что их не трогают руками, и это не шутка, такое в процессе обыска тоже возможно. Уже в обнаженном состоянии вам предложат несколько раз присесть, могут осмотреть анус.

Что же ищут? Как правило, деньги, наркотики, телефонные сим-карты, «малявки» (о них речь пойдет отдельно), острые предметы, иголки, булавки, лезвия, скрепки и т. д. – словом, все, что запрещено к хранению и использованию в «системе», и то, что не отобрали в КПЗ.

У арестованного изымаются шнурки, пояса, цепочки. Супинаторы вынимаются из ботинок. Если вы не знакомы с этой техникой, не пытайтесь пронести с собой что-либо. Найдут. Изымут. В лучшем случае вы потеряете вещь или ценность без последствий для вас, в худшем – могут избить, ударить, поставить на заметку. Попавшего на эту самую заметку, а попытка проноса запрета фиксируется в личном деле, в дальнейшем обыскивают более тщательно и более вдумчиво. По закону деньги и ценности, найденные при обыске,

на любой стадии вашего пребывания в «системе», должны быть помещены на ваше имя в камеру хранения, если это вещи, либо на ваш лицевой счет, если это деньги. В действительности, по разным причинам, они безвозвратно пропадают в бездонных, вечно пустых карманах полицейских (см. приложение 1, п. 31).

Имейте в виду, что в КПЗ и ИВС арестованного или задержанного охраняют и конвоируют работники МВД. В тюрьме, т. е. СИЗО, это будут уже военные Минюста (по сути, те же менты, только в военной форме). В КПЗ – задержанный или арестованный (я так говорю: задержанный или арестованный, т. к. и те и другие, в зависимости от конкретной ситуации по делу, могут находиться и в КПЗ, и в ИВС) еще не сталкивается с таким явлением, как баланда. В КПЗ не кормят вообще (могут это сделать за ваши деньги или деньги самих полицейских, или родственников, или дознавателей, но государственный, положняковый паек вам не полагается), а в ИВС и тюрьме картина уже другая – арестованному или задержанному обязаны предоставить положенную (отсюда слово «положняк») ежедневную трехразовую пайку.

В ИВС она берется, как правило, из близлежащих столовых, а вот уже в тюрьме ее готовят внутри «системы», и называется она «баланда».

Рассказывают, что слово **баланда** произошло от фамилии человека, в XIX веке внедрившего это явление в российские тюрьмы.

Бывают ИВС на 3 камеры по 5 койко-мест – «шконок», без туалета внутри, без белья, матрасов, одеял, без стола, без стульев и, конечно, без душа. Со скудным освещением и «шубой» (спецпокрытие) на стенах. Другими словами, там может не оказаться ровно ничего, кроме деревянных или металлических шконок. А может попасться ИВС современное, со всеми удобствами, с постельными принадлежностями, зеркалами, туалетами (конечно, специальными – тюремными) и возможностью принять душ. Словом, как повезет. В одном они все похожи, это уже почти тюрьма, но – вас охраняют работники МВД и арестованному можно передавать очень многое из продуктов и вещей. Продукты принимаются практически без ограничений каждый день. В тюрьме такого уже не будет.

ИВС пропускает почти все, кроме сырых полуфабрикатов и продуктов, требующих термической обработки. В тюрьмах этого нет. Перечень, объем и сроки передач для заключенного строго ограничены. Поэтому, оказавшись в ИВС, постарайтесь запастись сигаретами, чаем, спичками, продуктами, кипятивником, посудой, одеждой, сумкой, туалетными принадлежностями в максимальном объеме (пока возможно) – пригодится. В некоторых случаях с охраной можно договориться и о несанкционированных (незаконных) свиданиях с родными и близкими или с кем хотите, разумеется, за деньги. Такая услуга стоит от 100 до 300\$ в зависимости от ИВС. Можно также договориться и о звонке с мобиль-

ного телефона полицейского, с последующим приездом ваших близких (оплата после приезда близких к вам). Стоимость варьируется, но, как правило, привязана к последующей услуге полицейского, т. е. встреча с близкими или же пронос левым образом пакета с едой или спиртным. Все эти тонкости можно понять только на месте (см. приложение 1, п. 9).

Имейте в виду, что у одних это может получиться, а у других, в том же самом месте, даже с тем же самым милиционером – ничего не получится. Почему? Наверное, зависит от индивидуального умения договариваться с людьми. Научить этому нельзя. Единственное, что можно посоветовать: разговаривая с ментом, не хамите, просите, будьте настойчивы и доброжелательны (но не перегибайте палку) и, конечно, договаривайтесь так, чтобы посторонние (будь то другие работники полиции или же ваши товарищи по несчастью) не слышали подробностей разговора. Полицейские, будучи при исполнении, всегда готовы продать честь мундира, но при этом очень боятся огласки и возможного последующего наказания за должностное преступление. Деньги и настойчивость обычно одерживают верх. **Бабло побеждает зло.**

В камерах ИВС нет ни тюремных законов, ни тюремной иерархии. Там все случайные, временные люди. При этом решительно все находятся в одинаковом положении. Никто не имеет права расспрашивать, давить, угрожать, заставлять или приказывать.

Бить тоже никто не имеет права. Однако может быть всякое. Вот тут уместно привести как цитату золотое тюремное правило трех: «Не верь. Не бойся. Не проси».

Если арестант ведет себя спокойно и достойно, его никто никогда не тронет. Помните также: в беде все люди равны. Поэтому не стесняйтесь – делитесь всем, что у вас есть. Я не говорю: отдавайте последнее (хотя и это возможно в ИВС), а делитесь. Если у вас ничего нет, то поделитесь с вами. Редко бывает, что из 5 человек ни у кого ничего нет. Если все же будет именно такая ситуация, что ж, смотрите на жизнь философски, учитесь терпеть голод, холод, жажду, унижения и давление. Это тюрьма! Это судьба! Это жизнь!

Не стоит слушать разговоры т. н. «бывалых». Еще неизвестно, где и как они бывали. И бывали ли вообще. Помните! В «системе» всегда есть вероятность, что имеешь дело со стукачом или «подсадной уткой».

В ИВС первый раз состоится беседа с т. н. оперработником «системы» (я говорю, первый, но, к сожалению, не последний). Всех без исключения оперработников, или оперативников, или оперов, или же «кумовьев», будет в вас интересоваться не ваша жизнь, не ваши проблемы, а информация по вашему делу, о других делах, о недозволенных деяниях и запрещенных предметах. Будьте осторожны и бдительны. Однажды попав на удочку, с нее уже не слезешь, не дадут. А стукачей никто никогда не любил – ни хозяева, ни зэки, ни полицейские. Помните об этом.

Согласие официального сотрудничества с оперативными работниками Минюста оформляется специальной бумагой. С этого момента человек, давший соответственную подписку, становится секретным работником УФСИНа. Он обязан выполнять все задачи, поставленные перед ним оперативными работниками того учреждения, в котором он находится в данный момент. Это может быть передача подробной информации о жизни камеры, запрещенных предметах, находящихся в ней, передача информации о конкретных местах их нахождения, о действиях и разговорах внутри камеры, выявление совершенных или готовящихся преступлений или же правонарушений. Это может быть так называемая внутрикамерная разработка отдельного лица на предмет получения у него информации по уголовному делу. Оперативные сотрудники, в свою очередь, обязаны оберегать от разоблачения такое лицо, обеспечивать его безопасность, создавать ему при необходимости максимальный комфорт содержания и, при необходимости, оплачивать его услуги ежемесячными денежными поступлениями на его лицевой счет (около ста рублей в месяц). С момента попадания в ИВС на каждого задержанного заводится личное дело и личная карточка. В карточке отражаются его склонности (к побегу, суициду, алкоголизму, наркомании, дезорганизации и т. д.), нарушения, допущенные за время нахождения в тюрьме, его принадлежность к секретным сотрудникам. Куда бы вы ни попали, в какую тюрьму ни переехали, в какой зоне ни оказа-

лись, за вами всегда будет следовать ваше личное дело. Более того, если вы попадете в тюрьму в последующем, ваша причастность к секретным сотрудникам тут же вскроется оперработниками, и работа на них продолжится. Секретный сотрудник – звучит неплохо. Теперь сократим это название – сексот. Тоже звучит, не правда ли?

В разговоре с оперативником «системы» возможны всего два сценария развития событий – согласие на работу или же отказ от нее. Выбор конечно же за вами. Согласие на сотрудничество с «кумом» (оперативный работник, в данный момент курирующий вас) влечет за собой последующую кабалу, возможно, многолетнюю, с продвижением по чужим телам и судьбам, и постоянный страх разоблачения и наказания в среде арестантов с возможным публичным позором, возможно, даже и убийством, и, в случае согласия, мелкие побрякушки, мизерные привилегии и копеечные подачки со стороны оперработников «системы».

Отказ же ничего не влечет за собой, кроме чувства внутреннего удовлетворения и возможности спокойно и достойно существовать в среде таких же бедолаг, как и вы.

Если у вас имеются подельники, то и в условиях КПЗ, и в отдельных случаях, в условиях ИВС с ними можно будет связаться и выработать тактику совместных действий. Это делается либо через полицейских (за деньги), либо через адвокатов, либо через «волю», т. н. «малявы» в этих условиях не функционируют – даже если и появится возможность

их передать подельникам, открыто писать в них серьезную, касающуюся вашего дела информацию нельзя. Слишком велика вероятность перехвата их со стороны все тех же оперработников. Если их перехватят, то они тут же окажутся у вас в деле.

Реальное время пребывания в ИВС зависит от сложности дела, однако в стандартной ситуации это 5-10 дней, после чего арестованного этапируют в следственный изолятор. Собственно говоря, это и есть тюрьма (см. приложение 1 п. 90, 92).

По прибытии в тюрьму человек попадает в помещение, именуемое «сборкой», затем его оформляют, обследуют, фотографируют, берут отпечатки пальцев, выдают необходимые приспособления для жизни, т. н. «хозяйку», и переводят в камеру.

Сборка

(Фильтрационная камера, через которую проходят въезжающие и выезжающие из тюрьмы арестанты)

Сборка утром

Как и тюрьмы, «сборки» бывают разными. Где-то чище, где-то грязнее, но суть их одна – это место, где несколько часов много людей чего-то ждут, одни – этапа, и тогда арестанты прибывают на «сборку» с вещами, другие – поездки

в суд, третьи – перевода в другую камеру или тюрьму (в этом случае тоже со всеми своими вещами), или этапирования в больницу. «Сборкой» может служить и пустая тюремная камера.

Бывает так, что в такой камере можно провести и сутки, и двое, без постельных принадлежностей, белья и посуды, а бывает, что ожидание длится несколько минут.

Важно помнить следующее. Время в тюрьме течет не так, как на воле. Кстати, до момента осуждения и вступления приговора в законную силу арестанту иметь часы в тюрьме запрещено. Время меряется проверками и доставкой пищи. По внутренним ощущениям один день в тюрьме можно приравнять к часу на воле. Одна неделя – это полный день, а год – это вольный месяц. Ситуация в тюрьме чем-то напоминает американский фильм «День сурка».

«Сборки» бывают оборудованы некоторыми удобствами, т. е. туалетом, скамейками, а бывает так, что ничего этого в камере нет. Одним словом, как повезет. В одной тюрьме может быть десяток, а то и больше «сборок», и все они разные.

Главное одно: не бойтесь, не стесняйтесь, не жадничайте, терпите и ждите.

Любая агрессия, как и любое яркое проявление индивидуальности, в этой среде не приветствуется. Тактика поведения простая: спокойствие, уверенность, вежливость и немногословность. Слушайте. Смотрите. Думайте. Учитесь ждать. Недели, месяцы, годы...

Ни в коем случае не ищите единомышленников, их просто нет. Не попадайте под обаяние, помните, где находитесь. Не рекомендуется давать и испрашивать советов. И совершенно никого не волнует, сколько, чего и как у вас было на воле. Такая информация бывает даже опасна. Невозможно узнать, кто именно в данный момент находится рядом с вами.

Войдя на «сборку», ненавязчиво поздоровайтесь со всеми, пристройте свои вещи, если таковые имеются, и расположитесь так, чтобы максимально удобно прождать неопределенно долгое время. Время в таких местах тянется долго и мучительно. Сможете присесть – присаживайтесь, нет – выбирайте комфортное для долгого ожидания положение, желательно подальше от унитаза, если он есть.

В тюрьме не существует возрастов. Никто не обязывает вас уступать место людям в возрасте, но и, если вы сочтете правильным уступить место явному инвалиду или старику, ничего плохого не будет. В тюрьме принято «общаться». Это значит, поддерживать ни к чему не обязывающий разговор. Не спешите здороваться за руку. Иногда это простое действие может повлечь за собой тяжелые последствия. Позже вернемся к этой теме. Не стесняйтесь, задавайте вопросы, если вам что-то неясно. Речь идет о местном быте, укладе, ситуации, терминологии и т. д. Конечно, это только касается «системы». При этом не стоит быть навязчивым. Навязчивость – плохое качество, как в «системе», так и на воле.

Пусть не пугает вас внешность людей, окружающих вас в

«системе». «Система» – это не университет и не театр, и в ней много людей со «сложной» внешностью и сложной судьбой, да и ваша судьба тоже не самая простая, если вы оказались в ней.

Спешить не следует. Перед совершением любых действий или проявлением вашей фантазии – подумайте. Совершая же действие, не суетитесь, делайте это размеренно, но без лишней пафосности.

В «системе» по старой тюремной традиции принято пить «чифир» (крепчайшим образом заваренный чай – половина пачки сухого чая на кружку воды). Следует иметь в виду, что сразу не всякий организм принимает этот горький неприятный напиток. Конечно, «чифир» бодрит (заметьте себе – только бодрит) и в определенной ситуации крепит стул, убивая некоторые желудочные микробы, но организм к нему привыкает. «Чифирный» голод ведет к вялости и головной боли. Он также «сажает» сердце, печень и желудок, не говоря о том, что интенсивно разрушает зубы. Пить его или не пить – ваш выбор. Как и принимать или не принимать наркотики, употреблять или нет спиртное, курить или нет. В этом никто не может вас ограничить, равно как и, наоборот, заставить употреблять что-либо.

Пьют «чифир» мелкими глотками (хороший тон 2 глотка за один прием), передавая кружку по кругу. Имейте в виду, что 6 глотков хорошего «чифира» хватает взбодриться, а от его перебора могут случиться серьезные неприятности с

сердцем. Такие случаи бывали.

Случилось так, что три неопытных грузина (т. н. «первоходы») оказались в «системе» в одном месте и у одного из них наступил день рождения. Троица решила встретить его с размахом. Для этого сварили ведро «чифира» (это приблизительно 4–6 литров без учета осадка). Сели за стол и натурально, видимо перепутав «чифир» с вином, употребили за раз ведро на троих. Результат не заставил себя ждать: все трое оказались в больнице. Одного так и не смогли откачать – не выдержало сердце.

Брезгливость в тюрьме надо отбросить как лишний и обременительный излишек. Имейте в виду, что количество сделанных глотков считают по движениям кадыка.

При изготовлении «чифира» пользуются кипятильником, если нет розетки – подключаются к потолочной лампе. Если нет такой возможности, делают «чифир» на факелах. Скручивают пакет, бумагу или тряпку, поджигают скрутку и на этом огне кипятят воду в металлической кружке. Некоторые «умельцы» умудряются вскипятить факелами воду в пластиковых бутылках – даже не сомневайтесь, это возможно. Вообще в «системе» много разнообразных умельцев, делающих буквально из ничего что-то полезное. «Чифир» принято закусывать конфетой или куском сахара (чтобы перебить горечь напитка). Если нет ничего, а есть только желание выпить «чифир», желающие начинают активно обращаться ко всем находящимся в помещении с предложением «чифир-

нать». При отсутствии конфет также прямо обращаются ко всем присутствующим с просьбой дать для этой цели конфеты. Если вы не пьете «чифир» или брезгуете пить его из одной чашки с незнакомыми людьми, достаточно сообщить тому, кто конкретно сделал вам данное предложение, что вы его не пьёте. При этом категорически не следует говорить о своей возможной брезгливости. Эту вашу брезгливость могут истолковать превратно, а могут даже и оскорбиться по этому поводу. Оскорбление наверняка приведет к конфликту. Первое, что вас встретит в тюрьме, это запах, непередаваемая удушливая атмосфера несвежего воздуха, в которой давно и навсегда укоренился дым дешевых сигарет, смрад грязных вещей, немытого человеческого тела, баланды и человеческого горя. Страдания, горе, страх и ненависть тоже имеют свой запах. Описать словами эту атмосферу нельзя, как нельзя описать запах казармы или морга. Несмотря на очевидную антисанитарию, окружающую человека в тюрьме, необходимо следить за личной гигиеной, это поможет сохранить здоровье и добавит вам уважение окружающих. Опустившийся человек неинтересен и презираем всеми.

Старайтесь, по возможности, избегать словесных конфликтов, тем более рукоприкладства. Руку в тюрьме просто так поднимать нельзя. Вас за это могут наказать серьезным образом. (Об этом речь пойдет ниже.) Зачастую «чифир» пьют холодным, т. е. заранее заваривают, переливают в бутылки и берут с собой на «сборки» или поездки в суд.

Если на «сборке» есть унитаз, значит, им можно пользоваться. При этом разрешение ни у кого не спрашивается, но желательно помыть руки после физиологического опорожнения. Нет воды – воспользуйтесь платком, салфеткой или туалетной бумагой. В определенном смысле это ритуал. Помните, что в «системе» за вами наблюдают 24 часа в сутки, как работники «системы», так и окружающие вас люди.

Невозможность уединиться хотя бы на час – это бич тюрьмы. Администрация специально создает такие условия, при которых арестант круглосуточно находится под наблюдением. Мало ли что взбредет в его голову. А вдруг суицид и, не дай бог, с летальным исходом?! Кто будет отвечать? А если он травму сам себе нанесет, а вдруг дрянь какую-нибудь сконструирует и попытается бежать, что тогда? С другой стороны, в камере круглосуточно находятся самые разные люди, многим просто нечем себя занять, вот и наблюдают друг за другом все кому не лень.

На «сборках» курят очень много, практически все. Иногда плотность дыма такова, что невозможно дышать и дым режет глаза. Такая атмосфера тяжела для курящих, некурящим сложнее вдвойне. Запретить курить в «системе» нельзя, поэтому некурящему необходимо выбрать наиболее бездымное место, если таковое будет вообще, и терпеть. Открытое окно может оказаться таким местом. В случае отсутствия свободного места возле открытого окна проблему можно решить простой просьбой с объяснением причины. Вежливость – ве-

ликое дело!

Часто можно увидеть такую картину. На пол, а пол в камере представляет собой просто бетон либо бетон, выложенный плиткой, чаще всего выщербленной, стелятся газеты, на них кладется одеяло, и на него, как на ковер, садится зэк. Снятые ботинки покоятся рядом. Подобное расположение в принципе не говорит ни о чем. Ни о положении в этом мире, ни о положении в «системе». Хотя, иной раз, простояв часов пять на ногах, начинаешь понимать, что сидеть на одеяле было бы проще и удобнее. Иногда отдельные личности умудряются даже спать в таком положении. Если представить себе, что человек едет на суд, и это уже четвертая поездка за неделю, а суд длится третий год, то понимаешь, что деваться тебе некуда, и ты просто вынужден так поступать (о суде речь пойдет отдельно).

Поступающих в СИЗО осматривает врач, и у новичков берется кровь (см. приложение 1, п. 75). Это стандартная процедура. Единственное, что важно проследить, какой именно иглой собираются брать вашу кровь. Если в процессе взятия крови обнаружится, что игла не одноразовая, то немедленно надо отказаться от подобной операции. Ваша непоколебимая настойчивость приведет к тому, что т. н. врач, а по-простому «лепила», вынужден будет достать одноразовую иглу и воспользоваться ею. При заполнении личной карточки укажите все ваши заболевания, если таковые имеются, стесняться здесь нечего.

Камера

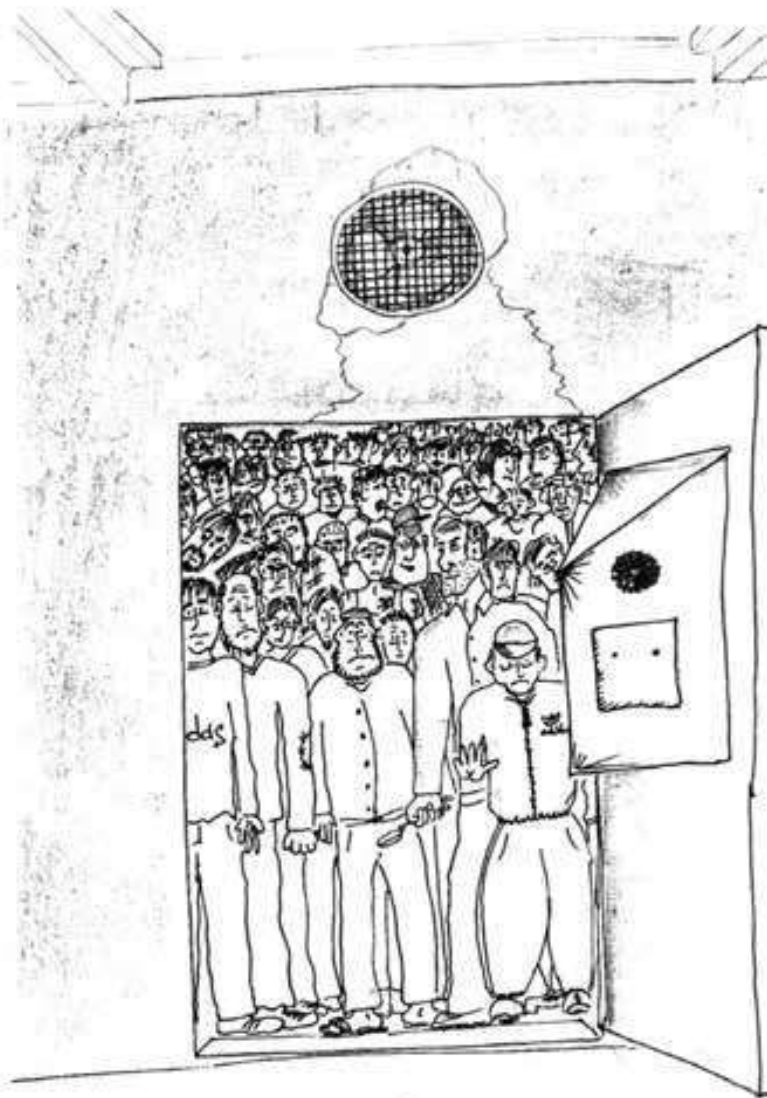
При поступлении в СИЗО арестанта ожидает очередной (и далеко не последний) «шмон». Будет изъято все то, что не разрешено к использованию в тюрьме. При этом требования в ИВС и СИЗО разные. В ИВС эти требования более лояльны, чем в СИЗО. По большей части это касается продуктов питания. Изымается все, что требует специальной термической обработки и что подходит под класс скоропортящихся продуктов – их также отнимут. Само собой разумеется, что пронесенные и не изъятые в ИВС деньги, сим-карты, иголки, скрепки, колюще-режущие или похожие по виду на них предметы: шнурки, ремни, галстуки, а также все стеклянные предметы (кроме очков, необходимых для чтения), будут конфискованы.

Арестанту полагается матрас, две наволочки, две простыни, одеяло, одна миска (она же «шлейка» или «шлёмка»), одна кружка («фаныч») и ложка («весло») (см. приложение 1, п. 57, 65–67). Я говорю, полагается, но это не значит, что это все вам выдадут полностью. За один раз выдадут, скорее всего, то, что есть в данный момент в наличии на складе. В дальнейшем возможно будет дополучить, при определенном упорстве, недостающие предметы.

Не следует удивляться виду и состоянию этих предметов. Вид матрасов может наводить на мысль о помойках или

умерших на них бомжах. Наволочки в основном украшены несмываемыми пятнами, а посуда по виду явно довоенного года выпуска. Но помните, лучше это, чем вообще ничего. В дальнейшем бытовые проблемы решаются внутри «системы» самостоятельно каждым человеком, оказавшимся в ней.

В СИЗО камеры делятся по внутреннему устройству, а также по количеству спальных мест, на 2 категории: общие (от 18 до 32) и маломестные (от 3 до 18). По типу камеры подразделяются на «общие», «спецевые». Есть еще такое понятие, как «больничка». В каждом крупном СИЗО (центrale) находятся камеры для содержания арестантов болеющих, заболевших, требующих лечения или операции. Если болезнь требует серьезного вмешательства, то арестанта отправляют для прохождения стационарного лечения в центральную тюремную больницу. Если же требуется только амбулаторное лечение, могут оставить на этой т. н. «больничке». Хотя и место стационарного лечения также называется «больничкой».

Перевод в хату на общаке

Камеры делятся также по типу находящихся там арестантов:

- «Вичевые» – для содержащихся арестантов с ВИЧ-инфекцией;
- «Тубики» – для больных туберкулезом;
- «Мусорские» – для бывших сотрудников правоохранительных органов, т. н. Б.С. (т. е. бывшие сотрудники);
- «Ломовые» – для странных личностей, отмеченных неспособностью жить вместе с общей массой арестованных.

Попав в обычную камеру с большим количеством нормальных арестантов, отдельных личностей пронизывает натуральный ужас и они начинают отчаянно стучать в двери камеры (тормоза) с настоятельным требованием вывести их из этого помещения в другое или обеспечить их личную безопасность (то есть «ломиться из хаты»).

Иногда подобные действия сопряжены с конфликтной ситуацией или бывшими «грехами» арестанта. Таких личностей еще называют «лыжниками», или «туристами». Категория «ломовых» в тюрьме презируется.

- «Баландерские» – для баландеров, т. е. для арестантов из хозобслуги, работающих по обслуживанию тюрьмы. В хозобслужу попадают те, кто уже получил срок и решил остаться отбывать его на централье. У таких людей срок наказания не превышает пяти лет общего режима. Считается, что

попавший в хозобслужу дает письменное согласие на работу с оперработниками тюрьмы, то есть становится стукачом по принуждению. Баландеры крайне неуважаемая категория арестантов. Попав в лагерь, они становятся «шнырями».

- «Пресс-хаты» – камеры, в которых силами эков происходит интенсивная внутрикамерная разработка или обработка. Другими словами, где выбиваются показания или проводятся в жизнь специальные задания оперативных работников, направленные на разработку арестантов, персонально заинтересовавших оперов.

- «Признанки» – для содержания тех, кого через медицинскую экспертизу признали невменяемыми во время совершения преступления. Такая категория арестантов подлежит отправке не в лагерь для отбытия срока наказания, а в лечебное учреждение специального типа, где их и содержат без определенного срока. Только специальная медицинская комиссия может решить судьбу такого арестанта, т. е., признав его здоровым, отпустить на волю либо продолжить принудительное лечение. Такое лечение может оказаться вечным.

- «Транзитные» – для временного содержания заключённых во время «шмонов» или при массовом перемещении большого количества людей в пределах тюрьмы, например, при ремонтах помещений;

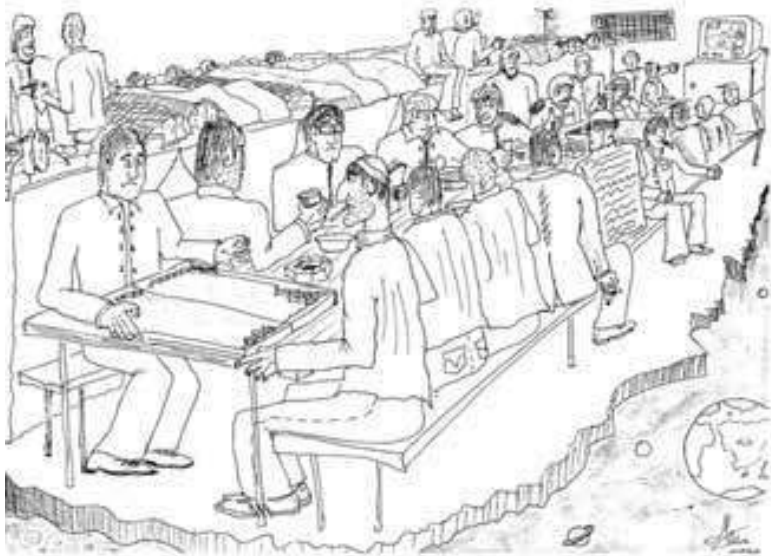
- «Осуждёнки» – для содержания уже получивших срок и ждущих либо этапа, либо разбирательства дела в кассационной инстанции первого уровня;

- «Обиженки» – для содержания той категории эков, которых в системе называют обиженными. Тюремный мир живет не по официальным законам, так как волей или неволей преступившими закон в тюрьме оказались все. Природа не терпит пустоты, любому человеку, находящемуся среди подобных, требуются правила игры. В тюрьме закон заменяется «понятиями», т. е. нигде не прописанными правилами поведения человека в «системе» (тюрьма, зона, этап и т. д.). Считается, что хранителями основ «понятий» являются коронованные воры. В «системе» их называют «жуликами» – придавая этому термину уважительный смысл. Исходя из понятий среди арестантов, есть три основные категории – «масти». Блатные, мужики, опущенные (обиженные). Здесь иерархия строгая. Оказавшись в какой-либо масти, любое движение из нее возможно только вниз. «Обиженного» перевести в «мужики» невозможно. Часто бывает так, что «обиженный», повторно оказавшись в тюрьме, скрывает это от окружающих. Опасное и бесполезное занятие, всегда найдется кто-то, кто его помнит по «первой ходке». Таких людей вычисляют, наказывают и опять переводят в разряд опущенных.

Общие камеры

ОК (общая камера) – это самый центр тюрьмы. Здесь есть все, что ей присуще, – от быта до «понятий». Большинство арестантов, находящихся в тюрьме, проходят через общую камеру. Надо начать с того, что камера на жаргоне «системы» называется «хатой».

Общие хаты устроены везде практически по одному и тому же принципу. В них от 18 до 34, в отдельных случаях до 50 койко-мест. Койко-место на жаргоне называется «шконкой». Понятие «нары», как и само слово, уже отходит в прошлое. «Шконки» представляют собой конструкцию из металла (сплошные продольные металлические полосы, приподнятые в изголовье). Иногда (в основном это касается тюрем) полосы составляются клетками, а «шконки» выполнены в виде кровати, т. е. имеются две дугообразные спинки. Все полосы жестко закреплены между собой и покоятся на полах, закрытых для внутреннего доступа трубах или уголках.

Хата на общеке – взгляд от тормозов – 100 чел. на 28 шко-
нок. Полный улёт...

Зачастую «шконки» возвышаются в два, три этажа. Кре-
пят их парами, оставляя проход между следующей двойкой.
Конструкции эти устроены с таким расчетом, чтобы невоз-
можно было что-либо оторвать от них. Непривычному чело-
веку спать на «шконках», даже при наличии матраса, крайне
неудобно. Однако опыт показывает, что еще не было случая,
чтобы кто-нибудь не приспособился ко сну в таких условиях
(арестант не спит – арестант отдыхает). Человек – животное
с удивительной способностью адаптации к любым условиям

жизни.

Все камеры (хаты) имеют квадратную форму, где окна с решетками («решки») всегда располагаются напротив дверей. Двери имеют название «тормозов» и устроены следующим образом. Это либо сплошь металлическая дверь, либо (в старых тюрьмах) деревянная основа, обитая кованым железом, в которой есть устройство для выдачи пищи («кормушка»). Квадратное окно откидывается в коридор, при необходимости, и плотно закрывается на внешний засов или систему замков, составляющих единое целое с «тормозами» после использования. В ней есть устройство для наблюдения за обитателями камеры («шнифт») со стороны коридора («продола»). Бывает так, что перед тормозами располагается еще одна дверь в виде решетки с замком. В некоторых камерах такая конструкция находится и перед дверями.

«Шнифт» представляет собой застекленный глазок, имеющий одностороннюю (со стороны «продола») заглушку, позволяющую пользоваться им только работникам тюрьмы.

В случае с большими камерами (от 18 человек) «шнифты» могут ещё располагаться в специально сделанной нише, выпуклой стороной вдающейся в камеру, тогда в этой нише устроены 3–4 «шнифта», позволяющие вести наблюдения даже за самыми отдаленными углами помещения. Иногда в стенах со стороны дверей проделаны трапециевидные углубления, снабженные со стороны коридора «шнифтами» с заглушками, но лишённые стекол. В случае необходимости

(пожар, бунт) к ним подключаются походные шланги, и подается под напором вода. В камерах есть туалет, умывальник, стол со скамьями для принятия пищи. Шкафы для посуды, изредка тумбочки для хранения личных вещей в виде металлических, не поддающихся разбору ящиков, напоминающие разновидность сейфа без замка. Туалет в камере называется «дальняк» или «дальний», туалетная бумага – соответственно «дальнячка». В ОК туалеты, как правило, выполнены в виде «чаши Генуя» различной конфигурации, обрамленной двухсторонними кирпичными, облицованными плиткой, перегородками. Крайне редко туалеты оборудованы дверями. Иногда раковина помещается внутри «дальняка», в отдельных случаях кран находится непосредственно над «дальняком». Он же служит вариантом раковины для мытья посуды, чистки зубов, стирки и т. д. (т. е. раковина, как таковая, может отсутствовать вовсе). Вероятно, есть еще и другие варианты, но все они отличаются практически полным отсутствием комфорта или, точнее, присутствием культивированного дискомфорта, как, впрочем, все предметы и помещения внутри «системы» (см. приложение 1, п. 58).

«Система» ежеминутно, своим крайним неудобством, напоминает человеку: ты внутри меня, ты – второй сорт. Помни об этом. Не расслабляйся!!! Когда перегородки (а зачастую это всегда так) не позволяют человеку, справляющему свои естественные нужды, скрыться от посторонних глаз, изготавливается специальная конструкция из шторок,

выполняющих функцию ширмы. Шторки делаются из простыней или любой подходящей материи, имеющейся в камере. «Параши» – переносные бочки для сбора нечистот, заменяющие унитаз, отходят в прошлое, как и само название, однако такое устройство, как «параша», в некоторых тюрьмах еще присутствует.

Горячая вода в камерах – явление редкое. Стол («дубок») традиционно располагается в центре камеры. По обе стороны от него находятся сиденья, выполненные из металлического каркаса с деревянным верхом. Вся конструкция прочно крепится к полу. Практически всегда «дубки» с сиденьями находятся в плачевном состоянии. Иногда стол может быть и возле стены. Одна из популярных шуток в камере – это предложение новичку подвинуть стол.

Окна «решки» – проемы, забранные решетками в один, чаще в два ряда. До 2003 года на окнах находились, в дополнение к решеткам, еще и металлические, неснимаемые жалюзи («реснички») (металлические, часто расположенные, под углом к плоскости, пластинки, позволяющие видеть то, что снаружи, только в одном ракурсе). После 2003 г. их должны были повсеместно демонтировать.

Недаром говорят, что от тюрьмы и от сумы в России зарекаться не стоит. В свое время был такой министр юстиции Ковалев (речь о 90-х годах XX века). Как и любой министр, был он полновластным главой и хозяином всей российской пенитенциарной системы. Жизнь расположила так,

что оказался он под следствием и в тюрьме. Попал Ковалев в Матросскую Тишину, в так называемый 9-й корпус. Корпус этот несколько отличался от других. Имел свое начальство, не подчиняющееся руководству тюрьмы, свои порядки и отдельную службу, состоящую только из военных. Если во всех «нормальных» тюрьмах «баланду» раздают зэки из «хозобслуги», то здесь эту функцию выполняли военные. Естественно, никаких «дорог», «почты» и вообще «запретов» как таковых в этом корпусе не водилось (и, говорят, не водится до сих пор). «Заехав» в тюрьму и став зэком, бывший министр принялся качать права. Не успели, видно, исчезнуть его вольные привычки. Так вот: сидит он в камере и качает права с «мусорами». Обидно стало дяде: он – министр, а они – шушера, и вдруг такое отношение к нему. Министр он, конечно, министр, но есть одна тонкость – бывший и к тому же попавший в тюрьму, а значит, человек второго сорта. Он кричит, а они его игнорируют.

– Не имеете права! – разорвался Ковалев, сидя на корточках перед открытой в двери «кормушкой» и пытаясь снизу вверх заглянуть в глаза стоящему в коридоре, по ту сторону «тормозов», «продольному».

– Имеем, имеем, – небрежно отвечал сверху вниз через окно выдачи пищи младший лейтенант.

– Незаконно! – не унимался бывший министр, чувствуя боль в затекших от непривычной позы ногах.

– Что незаконно?

– «Реснички» на окнах, вот что. Права не имеете! Ни света, ни воздуха не поступает в камеру. Не-за-кон-но!

– Законно, законно, – глумливо ухмыляясь, успокаивал его «продольный».

– Это вранье! Произвол! Самоуправство! Издевательство, наконец! Нет такого закона. Покажите мне хоть один документ, разрешающий эту дрянь на окнах.

– Щас, – миролюбиво выдал служивый. «Кормушка» захлопнулась перед красным от злости лицом экс-министра, обдав его потревоженной затхлостью.

Через некоторое время окошко вновь открылось и Ковалеву подсунули внутреннее распоряжение по ГУИНу, разрешающее наличие металлических, намертво приваренных оконных жалюзи, именуемых в народе «ресничками». Ковалев хищно схватил бумагу. Привычно заскользил глазами по тексту и вдруг грязно выругался. На документе значилась его собственная, еще в бытность им министром юстиции, подпись. Как Ковалева не хватил удар – остается загадкой, но геморрой у него после этого страшно обострился. Что ж, в «системе» и не такое бывает.

Под потолком камеры висят светильники, часто через один поломанные, есть также розетки и звонок для вызова охраны (клоп).

Традиционно все пространство ОК, по своей внутренней топографии, делится на условные сектора: «пятак» – место возле дубка, ближе к окну; «вокзал» – место около «тормо-

зов» и туалета. Спальные места также разделены на: «офис» или «подрабочка» – место отдыха и обитания тех, кто выполняет разные работы по поддержанию технического порядка в камере (в непосредственной близости от туалета либо возле «тормозов»); «пальма» – верхний ярус «шконок», места «смотрящего» и братвы занимают нижние спальные «шконки» рядом с окном; места «дорожников» – тех, кто заняты обслуживанием процесса «межкамерной связи», располагаются рядом с окном, в некоторых случаях непосредственно возле «кабуры» – отверстия, связывающего одну и более камер между собой. «Кабуры» (с ударением на первом слоге) представляют из себя сквозные проёмы в стенах, потолке или в полу, служащие для непосредственного общения заключенных между собой и передачи из камеры в камеру крупногабаритных предметов. Размеры их варьируются от нескольких сантиметров до нескольких десятков сантиметров в диаметре. «Кабуры» официально запрещены администрацией, и она с ними как бы борется. Я говорю как бы, потому что из оперативных соображений они иногда бывают нужны администрации, как бывает ей нужна «дорога» и вообще межкамерная связь. Крайне тяжело перехватить нужное письмо – «маяву» с важной информацией, если неизвестно, каким именно путем оно попадет к арестанту. Наличие «кабуры» в камере является средством воздействия на «братву». Ведите себя так и так, делайте или не делайте то-то и то-то, и на наличие «кабуры» в камере временно закро-

ем глаза. В старых тюрьмах многие камеры буквально изрыты «кабурами». Следы их уничтожения язвами покрывают стены «хат». Часто эти отверстия проделываются без негласного ведома оперработников, курирующих ту или иную камеру, в этом случае начинается ежедневная их маскировка. Отверстия маскируются по-разному. В ход тут идёт пережеванный хлеб, цветовая гамма которого, разными способами, доводится до точного соответствия с колером стены.

«Кабуру» могут заклеивать обоями или газетами (некоторые камеры сплошь оклеены газетами, из эстетических, арестантских соображений, тоскливо смотреть на бетонные, не крашенные по двадцать лет стены). Если есть такая возможность, отверстия еженощно цементируются. За наличие несанкционированной «кабуры» может пострадать вся камера. Одного или несколько человек в таких случаях отправляют в карцер, а всю хату расформировывают, распределяя ее бывших жильцов по другим камерам. Наличие «кабуры» в камере – это еще один способ живого человеческого общения.

По понятиям «обиженный», или «опущенный», не имеет права спать на обычной «шконке», его место на полу возле туалета или же под ближайшей к туалету шконкой. Это общеизвестное правило в тюрьме не оспаривается никем, включая и представителей администрации, прекрасно осведомленной о таком положении дел.

Спец (специальные камеры)

Специальные камеры служат для адаптации только что прибывших в тюрьму людей, а также для изоляции определенного типа арестантов, содержание которых нежелательно или невозможно в общих камерах, для внутрикамерной разработки. К арестантам такого рода могут относиться: воры в законе, сексоты, арестанты, склонные к побегу, дезорганизации, суициду, эмоционально неуравновешенные люди, чье нахождение в тюрьме, исходя из их уголовного дела, требует строгой изоляции. Обыкновенные арестованные долго на «спецу» не задерживаются, но в отдельных случаях пребывание в такого рода камерах может растянуться и на годы. Специальные камеры отличаются друг от друга по количеству «шконко-мест» (от 3 до 18). Помещать в них могут иной раз до трех человек на одно место. В отличие от общих камер, где внешняя жизнь замирает с 22.00 до 6.00, т. е. в этот период администрация в общих камерах не появляется, на «спецу» вход тюремщиков для обыска («шмона») или простого осмотра помещения может произойти в любое время суток.

Топографические помещения в таких камерах выглядят так же, как и в общих камерах. Есть деление на сектора, сохраняется «вокзал» и «пятак», места смотрящего и «братвы», но уже нет «офиса» или «подрабочки», нет специаль-

ных мест для «дорожников», хотя сами «дорожники», как и «шнифтовые», присутствуют. «Спец» может быть оборудован простым унитазом вместо «чаши Генуя». В центре камеры традиционно располагается стол.

Поведение

Хотелось бы поговорить о поведении в тюрьме. Конечно, любая манера или модель поведения зависит от целого ряда причин. От общей ситуации, от целей, стоящих перед вами, от задач, которые, может быть, вы решаете, от настроения, физического состояния и еще от целого ряда факторов. Однако, в целом, у среднего человека, никогда не сталкивающегося доселе с «системой», прошедшего через арест и допросы, физическое состояние примерно одинаковое – подавленное.

Оказавшийся в таком положении пребывает в состоянии нарушения привычных жизненных координат. Здесь важно понимать одно: вы живы, это уже огромный плюс, и вокруг вас такие же люди, попавшие в «систему», пройдя через которую никто уже никогда не будет смотреть на мир «прежними глазами». Произойдет кардинальная переоценка всего – от взаимоотношения с близкими до отношения к пище, от манеры держаться с незнакомыми людьми до переоценки всего предметного мира. В «системе» свои координаты, своя шкала ценностей и своя модель поведения.

В «системе» не важно, сколько человеку лет (в тюрьме нет возраста), какие у него проблемы и какое он занимал положение в обществе до этого. Рано или поздно каждый здесь найдёт нишу согласно своему сиюминутному поведению и

своим природным данным (мышечный объем большой роли в тюрьме не играет).

Сказано несколько туманно. Однако постараюсь объяснить, что имеется в виду.

Тюрьма («система») – это точная модель нынешнего общества. В ней присутствуют все те же ситуации и способы поведения, характерные для нашего общества в целом. Одновременно с этим надо понимать, что «система» жестко иерархична, а время в ней концентрировано. При этом у каждого очень непростая судьба. Нервы у всех взвинчены, пространство ограничено (а это значит, что просто физически отойти от любой проблемы не получится), а будущее неопределенно. В обычной жизни от конфликта и проблем можно уйти в буквальном смысле этого слова: не звонить, не отвечать на звонки, вообще выключить телефон, избегать встреч, уехать из города или же попытаться решить проблему, выждав какое-то время, подключить к ее решению родственников, друзей, знакомых и т. д. В тюрьме это невозможно или почти невозможно. Однажды образовавшись, она будет висеть над вами, как дамоклов меч, двадцать четыре часа в сутки и требовать немедленного решения.

Ситуацию внутри «системы» диктует криминальная среда. Не важно, совершали ли вы то, в чем вас обвиняют, или нет. По большому счету, это уже не интересует никого – ни ваших соседей, ни милиционеров, ни тюремщиков, ни прокуратуру, ни судей, ни ваших друзей. Это важно для ваших

родственников и, естественно, для вас. Остальным уже все равно. Важно то, что вы в тюрьме. Бесполезно и даже бессмысленно доказывать соседям свою невиновность. Положение это не изменит, а вот поставить в глупую ситуацию может. Спроси любого, находящегося в «системе», он скажет, что попал в нее по недоразумению или благодаря «мусорскому беспределу». Буквально всех в тюрьме будет интересовать ваше нынешнее (не иллюзорное, вчерашнее ушедшее, а реальное сегодняшнее, кем-либо подтверждаемое) положение и то, как человек выходит из создавшейся ситуации. И не важно, что вы думаете об этом, важно, как реально складываются дела.

Сегодняшнее финансовое положение дает возможность окружающим воспользоваться им (адвокаты, следователи, сокамерники, друзья, знакомые, родственники), а красивое решение любой проблемы говорит об устойчивости в этом мире. Вашим тяжелым положением теперь будут пользоваться решительно все.

Друзей в тюрьме нет и быть не может. Тюрьма является симбиозом случайных людей, по прихоти Провидения хоть и долго, но все же временно пребывающих в одном месте. Как в дальнейшем сложится ваша судьба или судьба соседа, не дано знать никому. Из этого вытекает первое правило: *чем меньше говоришь о себе, тем проще будет в дальнейшем.* **Смотри, слушай, молчи.**

Бесполезно, бессмысленно, глупо и опасно вслух оцени-

вать окружающих и их поступки. Зачастую в «системе» преступник может совершить порядочный поступок, а честный и с виду хороший человек — оказаться полным негодяем. Важно помнить еще и то, что никто никому не обязан ничего говорить, объяснять и доказывать относительно прошлой жизни и, тем более, в чем-то оправдываться. Главное, никто не вправе получать информацию, связанную с жизнью на «воле», против вашего желания.

Генерал Потапов

Арестовали генерала Потапова за махинации с армейскими квартирами. Работал он в Москве в Генштабе в качестве крупного начальника «по тылу».

Ситуация по делу была сложной. Потапова слили свои же, с кем-то он там не поделился. Но генерал не унывал и, как всегда бывает в таких случаях, свято верил в своего адвоката. Судьба распределила так, что оказался он на «девятке» (ФСБ-шный корпус на Матросской Тишине) в одной камере с известным мошенником, специализирующимся на квартирных аферах. Корпус изолированный, «дорог» нет, «запретов» нет, охрана сплошь офицеры. Не начни Потапов рассказывать о себе в камере, никто бы ничего и не узнал, но генерал молчать не мог. Его так и распирало изнутри, и ничего более умного он не нашел, как излить свою историю, и не просто излить, а излить её во всех подробностях, именно квартирному мошеннику Евстигнееву. Тот сделал умное лицо, а это он делать умел, профессия обязывала, и посочувствовал. Он внимательно слушал генерала и стал на короткое время первым другом Потапова, и не просто другом, а советчиком во всех его сложных делах. Надо сказать, что Евстигнеев с группой товарищей занимался тем, что присваивал себе, ну, и товарищам, естественно, тоже, квартиры, оставшиеся после смерти хозяев без наследников. Делалось все чи-

сто и грамотно. В их деле не было ни одного потерпевшего, кроме нашего государства. Надо сказать, что на «девятке» режим строгий и приблизительно каждые десять дней любого находящегося на ней переводят в другую камеру. Евстигнееву этих десяти дней хватило в полном объеме. Ровно через месяц против генерала Потапова было возбуждено еще одно уголовное дело – по факту невозврата пятисот тысяч долларов гражданину Евстигнееву. Генерал рвал и метал, но ничего поделать уже не мог.

Поговорим подробнее о жесткой иерархии в «системе». Необходимо отметить, что все без исключения арестанты делятся на три основные категории («масти»): «блатные» (блатная масть), «мужики» и «обиженные» (пидоры, чуханы, опущенные). К первой категории относятся те, кто ведет соответствующий образ жизни, т. е. добывает средства для жизни криминальным путем и не работает для получения средств к существованию, знает криминальные устои и порядок, поддерживает их и своим поведением соответствует заявленному образу жизни, категорически не идя на сотрудничество с правоохранительными органами. Эти люди должны разбираться в «понятиях» (правилах поведения в криминальной среде), подчиняться безусловным авторитетам своего мира, т. н. коронованным вора, их еще называют жуликами. Воры назначаются или коронуются только ворами на специальных сходках. Об этом событии сообщается (доводится до сведения) специальными письменными заяв-

лениями – «прогонами». Для людей этой категории обычный труд для получения средств к существованию неприемлем.

Т.н. «мужики» – люди, своим трудом зарабатывающие на жизнь, однажды совершившие или время от времени совершающие преступление, в целом соблюдающие криминальные традиции и поддерживающие образ жизни и поведение людей, относящихся к первой категории. Для «мужиков» труд приемлем, как и получение материальных ценностей за него. В «системе» таких, как правило, подавляющее большинство.

К третьей категории («масти») относятся т. н. «обиженные». Это самая низшая каста. В нее входят гомосексуалисты и приравненные к ним, т. е. однажды замеченные в нестандартном поведении, или «опущенные», или же совершившие серьезный проступок, за которым последовало наказание в виде перевода в эту категорию. В «обиженные» могут попасть те, кого поймали на слове, т. е. в разговоре с арестантом вдруг выяснились подробности его сексуального поведения на свободе. Например, как бы невзначай спрашивают, занимался ли на свободе куннилингом, и если выясняется, что да, то объявляют его «пилоточником» или «пехотинцем», что автоматически означает перевод человека в разряд «обиженных».

Бывает еще и так, что обстоятельства свели людей за столом. Если один из них оказался «опущенным» и не сообщил об этом тем, кто с ним ел из одной посуды, а затем это вы-

яснилось, то последних объявляют «загашенными», что тоже приравнивается к «обиженным». Словом, возможностей оказаться в положении «обиженного» много.

В категорию «мужиков» входят также лица, прислуживающие «братве» или другим мужикам. Это «шныри», продающие свои услуги за что-либо (сигареты, сахар, еду и т. д.). Эта подкатегория уважением в «системе» не пользуется.

Надо сказать, что движение вниз (от братвы до обиженных) происходит регулярно, а вот обратное движение в «системе» невозможно. Теоретически, конечно, можно передвинуться из «мужиков» в братву, но практически крайне трудно.

Вообще в «системе» крайне важно, с кем ты ешь и как общаешься. «Система» – это модель (отражение большого мира), отличающаяся от него увеличительным стеклом постоянного пребывания под наблюдением окружающих и работников правоохранительных органов. Каждая ошибка фиксируется и может быть использована против человека. В «системе» это следует помнить все время. Исходя из понятий, принадлежность к «масти» требует соблюдения определенного стиля поведения, характерного для представителя этой «масти». Однако сплошь и рядом рамки поведения размыты и понятия подменяются своими представлениями о них.

В идеале жулик – это безусловный, непререкаемый авторитет, ведущий скромный образ жизни, деятельность которого в «системе» направлена на решение спорных вопросов

между арестантами и выбором генеральной линии поведения заключенных в общении и столкновениях с администрацией для решения вопросов, связанных с улучшением быта и условий жизни арестантов.

Братва, или бродяги – это люди, добывающие средства к существованию любыми действиями, включая криминальные, никак не связанными с такими бытовыми вещами, как «работа», «зарплата». Т. е. официальное получение з/п за выполненную работу для них неприемлемо. И первые, и вторые должны соблюдать определенные правила поведения и блюсти свой кодекс чести.

По понятиям, мужики – составляющие основную массу заключенных, зарабатывающие на жизнь своим трудом, должны пополнять «общак» и поддерживать братву.

Обиженные – также поддерживают общую линию поведения и жизни, выполняя свои определенные функции (работа, обслуга, поведение, быт, секс).

Исходя из понятий, действия каждого з.к., направленные на решение общих дел в рамках жизни в «системе», должны совершаться с максимальной душевной и физической отдачей. На практике же зачастую многие действия производятся по произволу или ради корыстных интересов лица или группы, и уж конечно о душевной отдаче речь не идет.

Необходимо понимать существующую субординацию и положение дел, дабы распознать действия, направленные против конкретного человека, продиктованные не укладом,

не необходимостью или справедливостью, а узкокорыстными интересами отдельных лиц.

В любой тюрьме иерархия выглядит следующим образом. «Жулик» (он же коронованный вор).

«Авторитет» (человек, обладающий серьезным авторитетом, но не являющийся коронованным вором, имеющий право принимать судьбоносные решения) за кем-то из них, находящимся на воле, закреплена данная тюрьма или регион, в котором она находится. Такой человек может быть «смотрящим» за данным регионом и служит непререкаемым авторитетом, от его решения зависят внутренние взаимоотношения в «системе». Он занимается «ходом» (внутренняя жизнь арестантов в тюрьме) и «гревом» централа и решает все спорные вопросы.

«Грев» – идущая с воли материальная помощь для заключенных, призванная обеспечить их насущными предметами быта: сигаретами, чаем и т. д.

Решение «жулика» – есть вердикт, не подлежащий изменению.

«Смотрящий за централом» или «загруженный за централом» – из числа з.к., находящихся в данное время на централье, выбранный «жуликами» или назначенный «жуликами» или «авторитетами» с воли. Такой человек осуществляет контроль за внутренней жизнью арестантов. Иногда бывает, что «смотрящего» оставляет после себя предыдущий «смотрящий», получивший на это «добро» с воли. Его функ-

ция – это решение всех спорных вопросов внутри централа в арестантской среде и между з.к. и администрацией. На нем лежит ответственность за сбор «общего» на централье и сбор т. н. «воровского» – как правило, денежного фонда, управлять которым могут только «жулики». «Смотрящий» может утверждать или не утверждать, назначать других лиц, занимающихся вопросами внутренней жизни централа (а также доводить до сведения з.к. информацию, идущую непосредственно от «воров»). Информация, предназначенная всем арестантам, написанная на бумаге, называется «прогоном».

Параллельно со «смотрящим» в жизни централа есть люди, специально отвечающие за «игру» («загруженные за игрой» – з.к., занимающиеся только вопросами, связанными с азартными играми, т. е. всеми играми, в которых заранее предполагается материальный выигрыш). Такой человек собирает воровскую и общаковскую долю с выигравших (20 %), отслеживает получение в оговоренные сроки выигрыша, сообщает расценки на предметы (в случае, если ставкой являются вещи, или сигареты, или еще что-либо). Решает все конфликты, связанные с игрой (см. приложение 1, п. 80).

Также на централье обязательно присутствует персона, собирающая «общее», т. е. человек, в чьем ведении лежат вопросы поступления и распределения предметов и продуктов питания (включая сигареты и чай), которые собираются внутри «системы» для нужд з.к.

В зависимости от устройства централа (одно здание, несколько и т. д.) могут быть «смотрящие»: за корпусами, за крылом, за этажом, за больничкой, за спецом и т. д., выполняющие примерно те же функции, что и «смотрящий» за централом, только в своей плоскости. Скажем так, это заместители «смотрящего».

Бывает еще «смотрящий за кичей», т. е. ответственный за ситуацию, происходящую в карцере. В ведении этого человека лежит сбор и доставка «грева» арестантам, попавшим в карцер (см. приложение 1, пп. 34, 35, 36, 41).

В том случае, если на центре оказался «жулик», то он становится безусловным арбитром с правом приема любых решений относительно жизни и уклада арестантов, что, впрочем, не изменяет существующую субординацию. В каждой «общей камере» (это же касается небольших камер с обитателями до 10 человек) существует свой «смотрящий» – человек, отвечающий за сбор «общего» в пределах данной камеры.

В небольших (как правило, спецевых) камерах эти, скажем так, должности могут отсутствовать совсем.

В каждой камере помимо смотрящего есть «дорожники», занимающиеся вопросами приема и доставки «почты» и «грузов», «шнифтовые», следящие за происходящим в коридоре («продоле»), предупреждающие о появлении работников учреждения, иногда отправляющие или получающие «почту» и «грузы» из других камер.

Сейчас разговор идет об «обыкновенных» камерах (хатах), т. к. в камерах бывших сотрудников правоохранительных органов (камеры для Б.С.) есть примерно все то же самое, что и в обычных камерах, но с некоторыми нюансами. То же касается и камер для «хозобслуги» (козлов) и «опущенок».

Важно понимать, что в любой камере так или иначе есть все, что характерно для «системы» в целом. И нужно помнить, что любая тюрьма, да и вся «система» в целом, — очень прозрачны. Окончательно спрятаться в ней от других з.к. практически невозможно. Рано или поздно на «сборках», или в «перевозках», или в «автозэке», или в коридорах вы можете пересечься с любым из з.к. Я все это говорю для того, чтобы не возникало иллюзии, что в «системе» можно исчезнуть или надежно оградиться от других арестантов (даже если это вам будут гарантировать работники МВД и ФСИНа).

Когда стало примерно понятно устройство и иерархия внутри камеры, поговорим о поведении в ней.

Есть несколько золотых правил, следуя которым вы достойно выйдете из любого, даже самого неприятного, положения. Вот они:

1. Ничего не бойся — ты уже в тюрьме.
2. В тюрьме друзей нет и не может быть.
3. Прежде чем что-либо сказать, хорошенько подумай.
4. За незнание не судят и не наказывают (за незнание спроса нет).

5. Никогда ничего не обещавай. Пообещав, выполняй.

6. Не играй. Игра предполагает проигрыш одной из сторон.

7. Лучше есть одному, чем с кем попало.

8. Не будь жаден в еде.

9. Научись терпеть и ждать.

10. Конфликт и рукоприкладство всегда тянут за собой ряд проблем.

11. Твое благосостояние волнует всех, буквально всех, кто тебя окружает – от милиционеров до эзков.

12. Откровенность в «системе» опасна.

13. Никого не интересует в «системе», виноват ты или нет на самом деле.

14. Надейся только на себя.

15. Не верь обещаниям, от кого бы они ни исходили.

16. Умей занять себя.

17. Сумевший сохранить душу имеет будущее.

18. Не равняйся на всех.

19. Здоровье превыше всего. Спорт – это лекарство.

20. Не строй планов на будущее с окружающими тебя в «системе».

21. Не торопись. Торопиться тебе уже некуда.

22. В тюрьме тоже сидят люди.

23. Помни старую тюремную пословицу: дал, значит – лох, не дал, значит – жмот. (Речь идет о материальных предметах.)

Перед первым входом в любую камеру помните: никто просто так вас бить не будет, как и просто так не будет издеваться. В тюрьме никому ничего силой не докажешь, слабостью – тоже. Отношение к вам сформируется только после ваших же поведенческих проявлений. Не ждите к себе жалости от окружающих, каким бы сложным, тяжелым, безнадежным или несправедливым ни казалось ваше дело – все в одинаковых условиях.

Любое повышенное внимание в тюрьме подозрительно. Немногословность и сдержанность всегда в цене, особенно в «системе». Не стоит пугаться лиц с ярко выраженными (физическими) недостатками, встретивших вас в камере. Первое впечатление бывает обманчиво. Количество шрамов и наколок на теле ровным счетом ничего не говорит о серьезности или значимости их владельцев. Во взрослой тюрьме, в отличие от тюрем для несовершеннолетних, не принято подвергать проверкам и испытаниям лиц, впервые оказавшихся в «системе», т. е. никаких нарочитых подвохов при первом знакомстве с обитателями камеры ждать не стоит.

Пример

В «спецевых» камерах обитателей обычно немного, их положение з.к. мало чем отличается друг от друга, за исключением лиц, годами или многими месяцами находящихся на «спецу». К таким стоит присмотреться более внимательно.

но. Длительное пребывание в такого типа камере говорит о том, что это не просто так. Этот человек либо специально помещен в условия изоляции (а спец предполагают усиленную изоляцию) из-за его уголовного дела, либо он тесно сотрудничает с работниками администрации, либо опасается по какой-либо причине оказаться в общей камере. Такой причиной может быть его прошлое, или же та статья, которую ему вменяют на сегодняшний день, или же его нынешнее поведение среди подсудимых. Это может быть также в прошлом работник правоохранительных органов, стукач, ранее сидевший и активно работающий с администрацией, «ломовик» – психически неуравновешенная личность, «фуфлыжник», «крыса», скрытый «педераст» или когда-либо опущенный, теперь же скрывающий или явно не демонстрирующий свое прошлое положение «опущенного».

Бывает также, на «спецу» сидят люди, сбежавшие, по разным причинам, с «общака» (общей камеры). На «спецу» может присутствовать «смотрящий» за камерой (хатой). Хотя бывает так, что его номинально нет, но всегда есть негласный лидер данной группы. Необязательно это опытный зэк. На «спецу» большая ротация контингента, смена всех или же только части обитателей происходит раз в две недели (может быть и чаще).

Нормальный зэк, войдя в камеру, обязательно поздоровается, поставит вещи рядом со столом «дубком», подсядет к столу и заведет неторопливую беседу о жизни централа и

«хаты».

Стандартные вопросы бывалого:

Какое положение на центральной? (или: какой «ход» на центральной). Имеется в виду «красный» или «черный», т. е. диктуют ли ситуацию «мусора» (работники системы) или же сами эки рулят «положение» (т. е. собирается ли «общее», «гоняются» ли «дороги»). Кто «загружен» за централом? Кто за «общим»?

Есть ли на центральной «жулики»?

Принято ругать «мусоров» (ментов). Еще спрашивают: «людская хата» или нет, т. е. нормальная ли камера или же с уклоном (мусорским, сучьим, баландерским, питерским). Кто «загружен за хатой»? Когда баланда, когда прогулки, сколько этажей или камер на центральной (устройство центральной) и т. д.

В нормальной ситуации эку предложат «чифир» или крепкий чай («купец»). Спросят, нуждается ли он в чем-либо насущном. Здесь следует ответить, как есть. Если есть нужда, о ней надо говорить (нет зубной щетки, или мыла, или полотенца). Если есть лишние сигареты или чай, следует (считается хорошим тоном) уделить внимание «общему», т. е. дать пару пачек сигарет или чая на «общее». Если вы в ситуации, когда у самого нет ничего, отказываться от предложенного не следует.

У вас узнают (поинтересуются), по каким статьям проходите. Относительно «стремными» (неуважаемыми) считают-

ся статьи, связанные с изнасилованием и секс-домогательствами, а также со сложными убийствами (детей, беременных женщин, матерей, отцов, братьев, людей из категории «жуликов»). Хотя по последним воровским «прогонам» (ситуация на 2008 г.) за статью спроса нет, если это не касается убийства самих «воров». За убийство «вора» полагается смерть.

Имеет смысл в разговоре коснуться своих статей без упоминания фамилий и подробностей, т. к. надо учитывать, что в тюрьме и на «спецу» в особенности огромное количество стукачей, непосредственно занимающихся разработкой зэков.

Если у вас нет «подельников» (или их мало) или если ваше дело простое, больше 2–3 недель вас на «спецу» не продержат, отправят в нормальную «общую хату». Если дело сложное, и вы отказываетесь от того, что инкриминируется, «подельники» в бегах, или их много, или есть другие сложности, то могут продержать на «спецу» многие месяцы. В этом случае вас наверняка будут гласно или негласно разрабатывать (вытягивать информацию в разговорах, перехватывать и просматривать «малявы», прослушивать телефонные переговоры или же определять, кому вы звонили или кто звонил вам, провоцировать на различные действия).

В конце разговора у «смотрящего» необходимо узнать, где зэк может «упасть» (именно «упасть», т. к. по «понятиям» личного места у арестанта нет). Хотя в действительности оно

конечно же есть. Но к «вольной» терминологии недалекие ээки могут придаться. Вообще в «системе» со словами нужно обращаться крайне осторожно, об этом еще пойдет речь.

Для отдыха предпочтительна нижняя «шконка» и желательно подальше от туалета. Конечно, удобно спать в одну смену, но бывает в камерах перегруз, и на одно место могут реально претендовать 2–3 человека (см. приложение 1, п. 70). Не стоит афишировать, что вы работник сферы обслуживания (официант, повар, продавец, массажист и т. д.). Это может автоматически привести вас в категорию «шнырей» (помогал). Не стоит сразу хвататься за тряпку или мыть пол и туалет. Осмотритесь, в «спецевой» камере может оказаться «шнырь». Возможна ситуация, когда ээки сами по очереди убирают помещение. Требуется время, чтобы понять, как именно устроен быт в данной камере.

В «системе» всегда основная проблема – это еда (сам процесс приготовления продуктов и их хранение), стирка вещей (и их сушка) и личная гигиена, т. к. тюрьма, как правило, для всего этого не приспособлена (см. приложение 1, п. 65).

В любом случае, прежде чем что-либо предпринимать, осмотритесь, затем аккуратно (желательно один на один) задайте все интересующие вас вопросы человеку, заслуживающему у вас доверие, а если такового нет, то – «смотрящему». Незнание не постыдно. Задавайте вопросы, но не перебарщивайте с ними. Не стоит лезть в душу к окружающим и интересоваться их личными проблемами. Сочтут нужным –

скажут сами. Я все время применяю термин «интересоваться», а не «спрашивать», не случайно, т. к. «спрашивать» — это на жаргоне означает наказание за какое-либо неправильное действие или провинность.

Часто неимущие люди, сидящие в тюрьме, втягивают вновь прибывшего в зону своего общения («подтягивают») для получения какой-либо материальной выгоды (продукты, сигареты, деньги и т. д.). Это касается более зажиточных арестантов. Иногда люди, сидящие в одной камере, объединяются по принципу общности интересов, месту жительства, национальности, возрасту и т. д. Но все равно даже в таком единении каждый за себя и в каждом конкретном случае принимает решение сам. Важно помнить, что друзей в тюрьме не бывает.

Обычное явление, когда на 10 человек только один или двое имеют с воли поддержку от родных и близких в виде материальной или юридической помощи (адвокаты), а остальные восемь не имеют буквально ничего — ни сигарет, ни чая, ни дополнительных продуктов питания. С одной стороны, надо помогать ближнему, а с другой — на всех не напасешься и для каждого мил не будешь. Слово «дай» будет сопровождать любого зека в тюрьме постоянно. Подчеркиваю, неимущих, не имеющих вообще ничего, в «системе» подавляющее большинство.

Как же быть? Даже если вы добрый и щедрый человек, эту доброту следует ограничивать (в тюрьме сидят тысячи лю-

дей). Ну, а если вы – мать Тереза, тогда к вам это не относится.

Есть такая тюремная формулировка: «Нет возможности», т. е. у вас есть требуемый предмет или продукт (чаще всего это сигареты и чай), но он есть только в объемах личного пользования. Если вы скажете: у меня нет, а потом окажется, что требуемое есть, то это обязательно повлечет за собой обиду или проблемы в дальнейшем общении. Другими словами, вы наживете себе врага.

Жизнь в тюрьме отличается от прежней вольной жизни тем, что в камере ситуация, как на подводной лодке. От проблем или конфликтов уйти нельзя. Проблемы надо решать при их появлении, а конфликты – при возникновении. Человек, бросающийся к работникам тюрьмы за помощью в решении конфликта, презираем и теми и другими. Взывающий о помощи через «кнопку» («клопа») и сбежавший из камеры становится презираем повсеместно. О нем сообщается по всей тюрьме и в дальнейшем по этапу, таких людей называют «ломовыми». Вас, конечно, переведут в другую камеру, но, во-первых, «кум» в дальнейшем потребует от вас много услуг (и тут вы окончательно попали), во-вторых, в любой камере о вашем поступке уже будут знать. В новую «хату» вас впустят и наверняка, соответственно, «спросят». Результатом может оказаться перевод под «шконку» или даже в разряд обиженных. Таким вот неумным поступком всего лишь из-за порыва, страха, депрессии или отчаяния люди ло-

мают себе жизнь. Примеров масса.

Не стоит в «хате» кичиться своим бывшим или нынешним благосостоянием. Чем меньше видят, что именно вы курите, сколько в пачке сигарет, тем меньше будут просить. Хотя, конечно, отказывать так, чтобы не оскорбить человека, нужно учиться. Не стоит демонстрировать количество чего-либо, ибо за этим сразу последует слово «дай». Но в то же время и полностью избежать этого, т. е. ничего не давать никому, не получится, т. к. есть такое понятие в «системе» – «общее». Часто бывает так, что новоиспеченного зэка, попавшего первый раз в тюрьму и оказавшегося на «спецу», пугают «общими» камерами. Это могут делать и работники тюрьмы – «кумы», и сами же зэки, по разным причинам опасющиеся такого перемещения.

В тюрьме тюрьмы бояться не следует. В общих камерах возможностей для сносного существования неизмеримо больше, чем в «спецевых». Если вам поступит предложение от «кума» за что-то (за деньги или услуги, т. е. за сотрудничество) остаться на «спецу», помните – это вымогательство. Испугав, они хотят вас подчинить своей воле либо «выдохнуть» денег.

С таким же предложением могут обратиться к зэку и сокамерники. Мол, есть связи, возможности, плати деньги и останешься. Это тоже вымогательство или желание заработать. Кстати, в тюремных кругах это не поощряется, не приветствуется и в принципе наказуемо (наказывается и тот, кто

предлагает, и тот, кто платит). В «спецевых» камерах мало места, часто нет телевизоров, а холодильник вообще не частый гость. Конечно, все это можно купить на свои деньги, но, во-первых, никому не известно (конечно, кроме кума), сколько попавший на «спец» будет находиться на нем. Во-вторых, сложно сообщить родным и близким о своих нуждах, в-третьих, не у всех есть одинаковая возможность купить такие вещи, как телевизор, холодильник, вентилятор. Если говорить об официальном пути передачи «на волю» эту информацию, то их всего два:

1. письмо;
2. адвокат.

Но письмо будет идти минимум дней 10, а то и больше. Не нужно забывать, что вся переписка, как в одну сторону, так и в другую, прочитывается цензорами (если им что-то не понравится, или вы вздумали описать тюрьму, или сообщить о подробностях по вашему уголовному делу, или письмо будет написано не на родном языке, то письмо не попадет ни к получателю, ни к отправителю). Это касается не только писем от з.к., но и тех, кто нечто подобное со свободы напишет в «систему».

Адвокату, конечно, проще сообщить о своих нуждах, но опять же далеко не у всех есть т. н. «вольные» адвокаты, т. е. кому платит гонорар за выполненную работу сам зэк или его родные, а через «государственного» адвоката не всегда получится передать информацию на волю и нет гарантии, что

информация эта попадет на волю, а не на стол к следователю.

Затем, не у всех родные или родственники живут именно в том регионе, где обстоятельства погрузили вас в «систему» (где человек оказался в тюрьме). Поэтому повторяюсь: отсутствие телевизора, холодильника, вентилятора в «спецвой», да и в «общей» камере, – обычное дело.

Что касается незаконной связи с волей через радиотелефоны и тому подобные т. н. «запреты», то их на «спецу» неизмеримо меньше, чем в общих камерах. В условиях, когда камера занимает площадь 10–15 кв. м, вообще спрятать что-либо проблематично, хотя опыт показывает, что такие возможности существуют (см. приложение 1, п. 80).

Из-за скученности, бездействия, беспокойного ожидания, тяжелого душевного состояния, неуверенности в завтрашнем дне и бытовой неустроенности зачастую вспыхивают ссоры из-за мелочи, и это создает гнетущую, нездоровую атмосферу.

Надо помнить еще и то, что уединиться в тюрьме невозможно. Везде, в любой ситуации зэк находится под взглядом сокамерников и работников «системы».

Как же сохранить душевное равновесие? Скажу сразу, это непросто, т. к., например, для полетов в космос, работы на корабле, зимовки и т. д., словом – для работы в местах, требующих постоянного нахождения в замкнутом пространстве, люди проходят тесты на совместимость, и все равно даже это тестирование и последующий подбор по

принципу совместимости не снимает проблему в коллективе. В тюрьме же кто сел, тот и поехал. Какие уж тут тесты! Какая тут взаимосовместимость. Есть те, кто есть, плюс огромное количество проблем, переплетенных вместе. Потом, космический полет, или зимовка, или поход в подводной лодке имеют четкие сроки. В тюрьме, перед получением приговора на руки, этих сроков практически нет. Несмотря на все УК и УПК. Люди могут сидеть годами, не зная своей судьбы.

В таких условиях, безусловно, будет прогрессировать ухудшение физического и психического состояния человека. И все же как смягчить эту ситуацию? Я говорю смягчить, т. к. полностью избежать ее все равно не получится. Замкнуться, уйти в себя и заняться решением только своих внутренних проблем – это не выход. Это рано или поздно приведет либо к нарушению психики, либо к деградации личности как таковой.

Игры в «системе», конечно, нужны, но как пауза между чем-то, я говорю лишь о шахматах, шашках и т. д, т. е. об играх не на «интерес» (имеются в виду деньги или их заменители). Игры же на интерес опасны, в первую очередь для неопытного человека.

Однако встречаются отдельные индивидуумы, умудряющиеся, сидя в тюрьме, проигрывать десятки и даже сотни тысяч долларов (при этом совершенно необязательно, что эти деньги у них есть в наличии). Бывает так, что из-за проигрыша человека в тюрьме люди на воле расстаются с маши-

нами и квартирами. Есть такой анекдот: зэк пишет на волю письмо: ...а еще, мама, машину нашу можешь не мыть, она уже не наша...

Некоторые типы, идя по этапу, удосуживаются проиграть последнюю обувь и одежду.

Однако азарт есть азарт. У всех своя голова на плечах. Если все же ты сел за игру, стоит прежде всего точно знать, чем будешь расплачиваться в случае проигрыша, так как из двух играющих один наверняка проиграет.

С другой стороны, погрузиться только в чистое общение с другими (каким бы вы ни были общительным человеком) не получится, т. к. в скором времени одинаковость людей и обстоятельств по делам и ситуации обязательно наскучит.

Как же быть?

Рецепты следующие:

1. **Заниматься спортом**, даже если раньше вы никогда не занимались никакими видами спорта. Я имею в виду только физические упражнения (приседания, отжимания и любые другие подобные доступные виды упражнений). Заниматься упражнениями целесообразнее всего на прогулке (см. приложение п. 12). Как правило, в камерах накурено и стоит вечный дым от сигарет. Запретить курить в тюрьме нельзя «по понятиям», да и исходя из простой человеческой ситуации тоже. Все нервничают («гоняют»), у всех постоянные серьезные проблемы, и не простые «вольные», а реальные – тюремные. В атмосфере дыма, пыли и грязи, в присут-

ствии большого количества людей, по-разному относящихся к подобным вещам, заниматься спортом нецелесообразно и просто неудобно. Но на прогулке это естественно, нормально, удобно, главное – никому не мешает. Вам тоже никто не мешает (конечно, все относительно, и ситуации бывают разные). Потом со временем, как правило, вы в своих занятиях будете не одиноки, даже если сначала вас и не поддержат. Обязательно найдутся 2–3 человека, которые либо уже этим заняты, либо, глядя на вас, тут же (как правило, на первых порах) начнут заниматься чем-то подобным. В занятиях физическими упражнениями важна не максимальная нагрузка, не значительные достижения, а ритмичность и постоянство. Ставьте задачу и медленно, изо дня в день стремитесь к ней, думайте только о ней. Отжались 10 раз – хорошо! Отдохните, и еще 10. Не получается, делайте 20, 30, 100 набором по пять, три, одному разу. Сегодня получилось 10, послезавтра 15, и так потихоньку дойдете до такого количества, которое сочтете нужным.

Важно все время прислушиваться к организму и не давать возможности появления травм. Лечить будет нечем и некому. Когда втянетесь, поймете все про свое тело и свои возможности, но, опять же, терпение, терпение, терпение. В «системе» времени будет предостаточно.

Можно развивать отдельные группы мышц, можно все сразу или же постепенно. Можно задаться целью и развивать зрение или слух, неплохое занятие также – развитие памяти,

еще можно работать над ловкостью пальцев.

Кроме всего прочего, тюрьма дает огромный простор для развития и совершенствования знаний и умений по НЛП (нейро-лингвистическое программирование).

2. Читать. В каждой тюрьме есть библиотека, и в каждой тюрьме всегда найдутся люди, умеющие и желающие читать. Конечно, тут важно читать не все подряд, а книги серьезного содержания. История, философия, религия, культура, классическая литература (см. приложение 1, пп. 15, 74).

По своему опыту скажу, читать в тюрьме детективы... — абсурдно! Впрочем, у каждого свой вкус. Всегда можно найти серьезную литературу и в местной библиотеке, и у сокамерников, и в других камерах. При чтении важно читать внимательно и вдумчиво, осмысливая прочитанное.

Можно начать с Библии. Ее, совершенно точно, можно найти на любом центральном. Вдумчивого, осмысленного чтения Библии хватит на несколько месяцев. В отдельных случаях и на всю жизнь. Прочитать Библию один раз в жизни (для начала) полезно любому. Тут главное не уйти с головой в религию. Такое, от безысходности, случается.

Однако во всем важно не впадать в крайность. Вырванный из привычной атмосферы, морально подавленный и даже, возможно, надломленный человек, не видя для себя никакого выхода из положения, в которое его закинула судьба, может с головой погрузиться в религию. Сидит такой «пассажир», читает молитву или же собирает иконки, разгова-

ривает о боге и о религии в целом, а спросишь его, что такое: триединство бога, или чем католики от православных отличаются, а он и ответить не сможет – не знает, даже, более того, не думал об этом. Бьет мусульманин свои поклоны, аж металлическая шконка качается, а спросишь его: в какую сторону все мусульмане (все без исключения), молятся, и такое услышишь! Нет, я не против религии, уж лучше так, чем вообще никак, но нужно же понимать предмет веры, ну хотя бы знать основы. А иначе очень даже запросто можно попасть в руки сектантов. Они как раз таких и ловят в свои сети. Вербуют в свои ряды потерявшиеся личности, а, поймав такого отчаявшегося «военнопленного», такого Гуинплена, начинают художественную дойку, продолжая ее уже на воле. Их доброта и внимание лишь способ ловли людей и их душ.

Другая крайность – это игра в тюрьму: «понятия», «авторитеты», «прогоны», «шмоны», «малявы», «воры» и т. д. В эту крайность обычно впадают юные и молодые люди, ничего из себя не представляющие на воле, но с большими амбициями. Эта игра есть попытка найти себя и свое место в мире, не прикладывая для этого ровно никаких усилий.

Можно начать изучать любой иностранный язык. Важно это делать постоянно. Не скатываться на пустопорожние разговоры и бесцельное курение или тупое разглядывание ТВ. Нужно все время заставлять себя напрягаться, бороться с собой.

Следующее, чем вы можете заняться, как ни странно это

может показаться, – пишите. Да, да. Пишите стихи, прозу, в конце концов, дневник. Рекомендую – очень помогает.

Это, конечно, не правило, но, однако, бывает такое, что именно «система» делает из человека писателя, и не просто бумагомарателя, а человека выдающегося. Именно тюрьма позволяет вскрыть или же развить спящие или только зачаточные способности к творчеству. Примеров тому много. Вот только некоторые: Ф. М. Достоевский – ему заменили смертную казнь на каторгу. Я не знаю, стал бы Федор Михайлович тем Достоевским, которого знает весь мир, или же из него вышло бы что-то другое, не пройди он сквозь каторгу, ссылку и пребывание в солдатах (что-то вроде нынешнего штрафбата). Однако, как бы то ни было, у него этот путь занял 10 лет жизни, и все его самые знаменитые произведения написаны уже после этого десятилетнего периода.

О'Генри – сидя в тюрьме, начал писать свои знаменитые рассказы.

Д. Андреев – в тюрьме создал свою систему, написав «Розу Мира».

А. Герцен, А. Солженицын. Э. Лимонов, Л.Н. Гумилев, В.И. Ленин. В свое время за колючей проволокой побывали певцы: Лидия Русланова, Сергей Захаров, Александр Новиков; актеры: Зоя Федорова, Георгий Жженов, Арчил Гомиашвили, поэт Михаил Танич, футболист Стрельцов, боксеры Джамбраилов, Тайсон, ведущий КВН Александр Масляков. Список этот можно продолжать еще долго. Помните одно:

Тюрьма унижает слабых и возвеличивает сильных духом.

Только надо понимать, что ваши записи могут быть прочитанными, а это значит, пишите о том, что не сможет вам навредить. Об интимных или «запретных» вещах еще успеете написать позже. Если захотите.

Можно заняться изучением юриспруденции. Самое место и время. И, главное, вся литература в тюрьме под рукой. Я уже не говорю о животрепещущих примерах, которые во множестве окружают вас в «системе».

Тема, как сохранить себя в «системе», важна и актуальна везде: и на «спецу», и в «общих» камерах, и позже, не дай бог, на зоне. Она актуальна и на свободе.

Попав впервые на централ, каждый имеет возможность связаться со своими подельниками либо, если есть такая необходимость, найти земляков. Связь с подельниками понятна и нужна, хотя это и незаконно. Администрацией такая связь называется «межкамерной» и всячески пресекается, но парадокс в том, что вся суть жизни внутри тюрьмы строится на ней. В «системе» межкамерная связь называется «дорогой», люди, занимающиеся ею, – «дорожниками», а само действие, т. е. передача чего-либо – «отработкой» или «почтой». Как именно это технически делается – это отдельная глава.

По дороге можно отправить письмо («маяву»), «поисковую» (послание с просьбой найти или откликнуться кого-либо), какой-нибудь груз. Размер груза варьируется в зависи-

мости от многих условий (способ «отработки», размер проемов в решетках, дальность адресата). Для поиска кого-либо желающий обращается к «дорожникам» с просьбой отправить «поисковую». «Дорожники» (это их обязанность) должны помочь в этом каждому узнику. Если искомая личность находится в пределах досягаемости (по разным причинам), то найти и связаться с ней можно. Найдя нужного вам зэка, можно установить с ним письменную связь (посылая и получая «малявы»).

Однако необходимо строго запомнить, что бывает так: «малявки» теряются, пропадают, перехватываются, переписываются и могут оказаться пришитыми к уголовному делу пославшего данную «маляву». Обычно это происходит, если содержание «малявы» уж очень откровенно и касается вашего уголовного дела или же в ней содержится угроза адресату, описание какого-либо «запрета», места его хранения, способ передачи.

Помните анекдот? Мать пишет сыну: «Спасибо, сынок, за помощь. После твоего письма из тюрьмы, ну, там, где ты про золото пишешь, милиционеры, дай им бог здоровья, весь огород мне перекопали...» Так вот, анекдот-то чистая правда!

Поэтому, прежде чем написать письмо подельнику, или земляку, или знакомому, хорошенько подумайте о том содержании, которое вложите в него. Обычная, ничего не значащая переписка ни к чему не обязывает и не несет за со-

бой никакой проблемы. Поддерживая связь, можно оказывать и получать простейшую помощь от подельников, земляков и просто знакомых. Имеется в виду обмен информацией, книгами, сигаретами, чаем, продуктами. Иной раз получение простейшей помощи очень важно в условиях «системы». Однако важно в этом не перебарщивать. Как всегда в «системе», щедрость ваша тут же будет замечена и в буквальном смысле посыплется просьбы. Информация (любая) в «системе» быстро исчерпывается. Поэтому важно дозирование информации. Пишите немного и не очень часто, но постоянно.

Пустая (порожняковая) переписка с десятками людей утомляет. В тюрьме всем нужна помощь, поддержка, каждому нужно что-то. Всем не угодишь. Всем мил не будешь. Всем не поможешь. И зачастую помощь с вашей стороны может выйти боком вам же.

Приведу такой пример.

Познакомились двое по переписке. Так вышло. Так случается. Друг друга до этого они не знали и даже в глаза не видели. Однако завязалось знакомство, пошли «маявы» туда, сюда. (Сидели они на разных этажах.) Одного назовем – «Художник», другого «Студент». «Художник» – старше и опытнее, сидит уже не первый раз и оттого всю эту кухню знает, а «Студент» – «первоход» (впервые попавший в тюрьму), парень неглупый и образованный, но с кухней не знаком. Примерно через месяц «Художник» обращается к «Студенту»

с просьбой: «К тебе же ходит адвокат?» – «Да, ходит, – отвечает «Студент». – «Так вот, – тебе не трудно будет передать через адвоката мое письмо на волю, так, чтобы он его на воле в почтовый ящик бросил?»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.